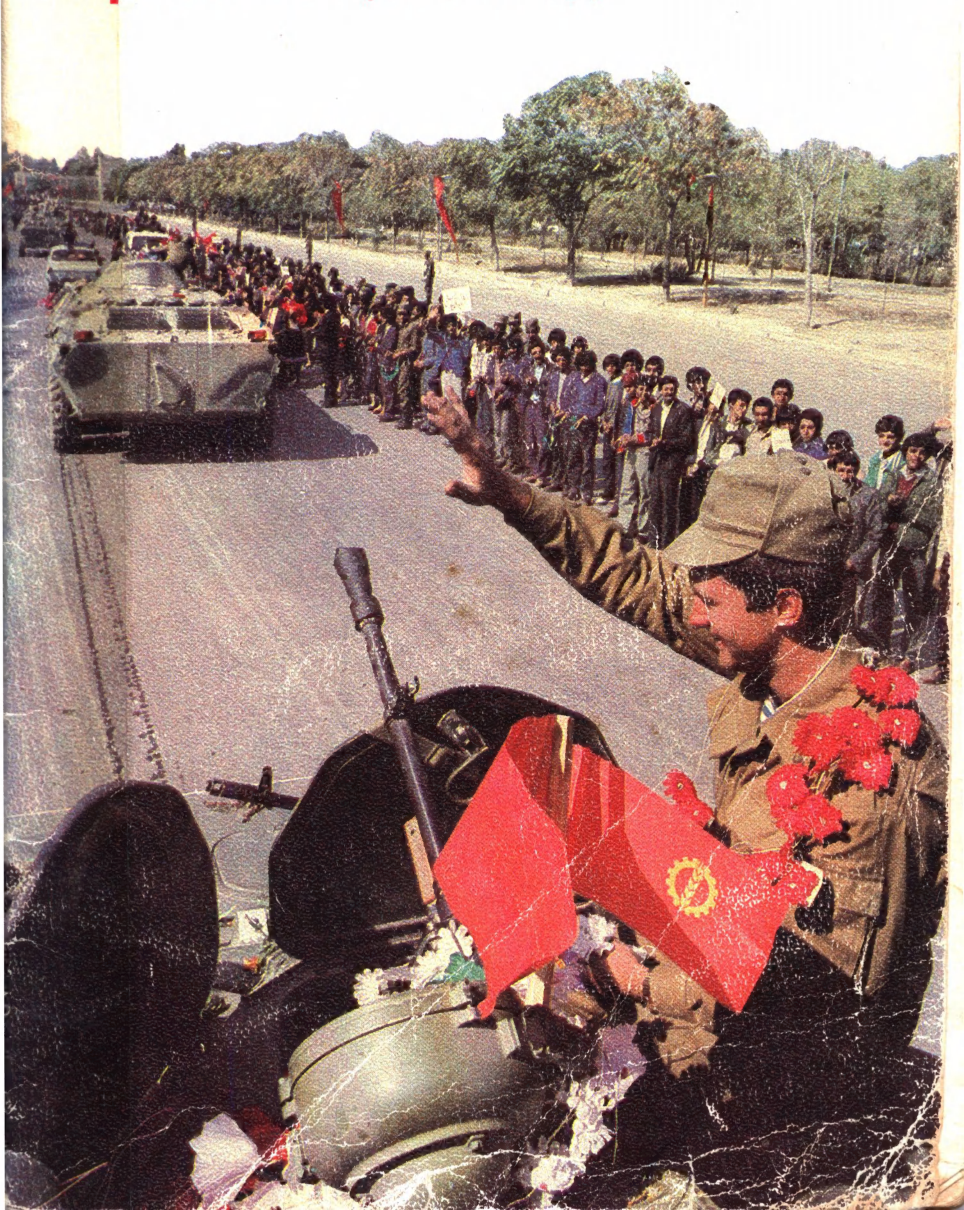
Геннадий Бочаров

БЫЛ И ВИДЕЛ...
(Афганистан, 1986 год)

Геннадий Бочаров

БЫЛ И ВИДЕЛ...
(Афганистан, 1986 год)

Москва
Издательство
политической
литературы
1987

ББК 66.4(2)
Б86

Б $\frac{0505030300-163}{079(02)-87}$

ОТ АВТОРА

В историю Демократической Республики Афганистан 1986 год (по мусульманскому летосчислению — 1365-й) вошел как год особый, во многом определяющий.

В течение короткого, а по историческим меркам — мгновенного отрезка времени здесь произошли важнейшие события. Это прежде всего практические меры по расширению социальной базы Апрельской революции.

Это — укрепление органов народной власти в провинциях, выборы в которые недавно завершились.

Это — создание проекта первой конституции страны, гарантирующей права всех граждан.

Это — согласованная с правительством ДРА миролюбивая акция СССР по возвращению на Родину шести полков из ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

В этот же период были организованы небывалые по своим масштабам поездки по стране журналистов крупнейших мировых телеграфных агентств, газет, теле- и радиокомпаний. Республика как бы распахнула окна, раскрыла двери, пригласила весь мир взглянуть на ее проблемы, увидеть достижения, ощутить ее боль — непрекращающуюся войну, которую ведут против ее народа силы империализма.

Эти события мне и хотелось отразить в предлагаемой читателю книге.

КАБУЛ — МОСКВА

КОРПУС

Приземление в Кабульском аэропорту пассажирских самолетов непохоже ни на какое другое. В момент выхода лайнера на посадочную глиссаду к нему пристраиваются боевые вертолеты. Пассажиры смотрят в иллюминаторы и видят, как небо вокруг их самолета начинает сверкать яркими бесшумными вспышками. Это защита самолета от атаки ракетами класса «земля — воздух». Особенность ракет — их способность самонаводиться на тепловые источники в небе. Такими источниками являются двигатели самолета, на котором вы летите. Чтобы дезориентировать ракету, вертолетчики окружают самолеты, идущие на посадку, а также поднимающиеся с полос, более сильными источниками тепла. После трагедии с самолетом авиакомпании «Ариана» подобная защита стала постоянной. Тогда, как известно, погибли 52 пассажира. Самолет был сбит ракетой.

Наше приземление происходило по той же схеме: вертолеты выпускали тепловые имитаторы целей и вели самолет почти до самой полосы. В салоне рядом со мной сидели сотрудники крупнейших телекомпаний США — Эй-би-си и Си-эн-эн (кабельное телевидение). Таким образом, вертолетчики в афганском небе были вынуждены защищать от американских ракет, купленных на американские деньги, не только нас, пассажиров разных стран, но и самих американцев.

В остальном — обычное приземление.

В последний раз я был в Кабуле зимой 80-го года. Тогда стояли сильные морозы, город был завален тяжелым снегом, вершины Гиндукуша сияли белыми чистыми гранями. Теперь — плюсовая температура, яркое солнце и ни одной снежинки. Конечно, это удручает всех, особенно жителей провинции — нет снега, не будет урожая. Трудности, порожденные такой зимой, видны сразу. Например, с наступлением вечера многие кварталы Кабула погружаются почти в полную темноту. Несколько раз я проезжал по

Майванду, самой оживленной и торговой улице города,— и не видел ни одной горящей электрической лампочки. Я не узнавал улицу. Не узнавал и горы вокруг Кабула — без снега они выглядели пыльными фанерными шатрами. Сотрудник МИДа сказал, что министерство энергетики и общественных работ готовит специальное постановление о режиме пользования электроэнергией, так как уровень воды в реках Логар, Кабул и Панджшир упал до минимума.

«Электростанции Махинар и Наглу,— добавил он,— работают на самой низкой мощности».

В мечетях Кабула и провинций молятся о снеге или дожде.

Тем временем многие владельцы дуканов[1] приобрели автономные генераторы с двигателями внутреннего сгорания. Их мощность невелика — от одного до пятнадцати киловатт, но для освещения вполне достаточно. Генераторы стоят прямо на земле и гремят у входов в дуканы.

Дневной Кабул очень отличается от того, каким запомнился шесть лет назад. Город стал чище. Поубавилось людей, большую часть дневного времени проводящих на улицах во взаимных приветствиях и сладких пожеланиях.

Резко возросло уличное движение. «Тойоты», «форды», «мерседесы», «Волги», «Жигули» теснят к тротуарам редких верблюдов, повозки с дровами и мотороллеры. Увеличилось число автобусов. Дороги на многих улицах еще более разбиты. На перекрестках появились регулировщики.

Центральная кабульская таможня переполнена автомобилями новейших марок. Состоятельные люди закупают их в Японии, ФРГ, Швеции. Изобилие товаров очевидно. Купить можно, в сущности, все. Я намеренно побывал на многих торговых улицах, обошел большие и крошечные дуканы. Расширились так называемые дубленочные ряды — густой дух кошары притягивает гостей, как магнит. А некоторых, похоже, и не отпускает. Черный рынок по-прежнему несокрушим. Спекуляция валютой остается одной из проблем.

На Майванде, Спинзаре, других торговых улицах среди старья — лисьих и волчьих шкур, чайных и кофейных сервизов — супертелевизоры, электронные часы на любой вкус, прекрасная радиоаппаратура самых известных фирм мира. Сообщения о том, что революционные власти якобы препятствуют развитию международной торговли, осуществляе-

[1] Дукан — торговая лавка.

мой частными лицами,— полнейший абсурд. Ряд мер совершенно однозначно направлен на ее дальнейшее развитие.

Цены выросли на все виды привозных товаров. Продовольственных в том числе: на бананы, орехи, апельсины, лимоны. Основная причина: торговцы платят пошлину не только государству, что закономерно, но и «духам» — вооруженным бандитам, орудующим на горных дорогах. Если пошлина, взимаемая государством, время от времени понижается, то «духи» ее только поднимают.

Рост цен теснейшим образом связан со многими социальными и экономическими проблемами. Но необъявленная война, ведущаяся, по существу, всеми видами оружия,— главная причина экономических трудностей.

Все могло быть иначе. Или по крайней мере многое.

Между тем Кабул продолжает строиться. В микрорайоне № 3 появляются новые жилые дома, а на улицах старого города — новые общественные здания. Например, Дом советской науки и культуры. Первым его разглядел мой английский коллега Том Хэниген. Он прилетел в Кабул из Исламабада, где заведует отделением телеграфного агентства Рейтер. «Вблизи университета в западной части города,— написал Том в своем первом репортаже из Кабула,— Советский Союз построил ультрасовременный Дом науки и культуры — нагромождение бетонных кубов и крутых крыш, который похож на дома для лыжников на зимних курортах в западных странах».

Давно замечено, что ирония сильна там, где слабы знания. Так вот, я за то, чтобы советские культурные центры проектировались исключительно советскими архитекторами, тем более что не все они перегружены захватывающими заказами. Однако Том Хэниген поторопился. Директор центра Али Мустафабейли сказал, что центр создавался по проекту киприота, а не русских.

Рейтер распространил репортаж журналиста по всему миру. «Хиппи из западных стран,— написал Т. Хэниген,— уже давно покинули Кабул, а традиционная мусульманская чадра быстро исчезает с лиц женщин благодаря стремлению афганских властей превратить этот древний город в современную коммунистическую столицу». По-видимому, Тому Хэнигену хотелось бы, чтобы этот древний город был превращен в современную капиталистическую столицу. Наверное, Том был бы вполне удовлетворен, если бы все без исключения женщины Кабула навсегда укрыли свои лица черными и зелеными сетками.

Но все это лишь видимая, внешняя часть жизни. А есть другая.

Важнейшим событием стало решение правительства ДРА о расширении социальной базы революции. Эта политическая формула, как и любая другая, не передает всей глубины и сущности явления. Но уместно, наверное, сказать: ни один правительственный документ не вызывал здесь такого общественного резонанса, как этот. Так, только за первые 12 дней после его обнародования в ЦК НДПА поступило свыше трех тысяч откликов и предложений. Активность необыкновенная.

В чем сущность нового подхода? В широком привлечении к реальному участию в деятельности государственных органов власти политических союзников из самых разных слоев общества. Не только из рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, но и ремесленников, торговцев, предпринимателей, духовенства, кочевников. Людей в основном беспартийных, людей, которые еще в недавнем прошлом пользовались известностью и авторитетом.

Меры правительства рассчитаны не на сиюминутный эффект. Но положительная реакция уже сегодня не заставила себя ждать: некоторые состоятельные лица предложили средства для строительства школ и больниц.

Расширение состава Революционного Совета стало лишь первым шагом. Вторым — чрезвычайно важным — было расширение состава ЦК НДПА. Членами ЦК избраны: рабочий автотранспортного предприятия «АФСОТР» Джан Гуля; заместитель министра по делам племен и народностей Абдуррашид Вазир; рабочий Мазари-Шарифского ЗАУ Мухаммад Юнус; командующий пограничными войсками страны Мухаммад Фарук и другие.

Представительно выглядит состав кандидатов в члены ЦК НДПА: крестьянин из провинции Бадахшан Али Назар; командующий ВВС и ПВО страны Кадер Агах; преподаватель Кабульского педагогического института Абдурразан; рабочий завода «Джангалан» Абдул Халил; ректор Кабульского университета Асадулла Хабиб; командир группы защитников революции в провинции Кабул Фируза — одна из самых известных женщин в Афганистане.

Приведу также слова афганца, с которым я знаком со времени первой поездки в Кабул. «Теперь,— сказал он,— когда представители разных племен и сословий привлечены к реальному участию в построении нового общества, всем становится ясно, какая это сила. Ясно также, как много времени мы упустили зря».

Признание в устах афганца не очень-то характерное. Критика как понятие еще недавно была здесь неведома. А точнее, недопустима. Не потому что афганец чего-то боялся. Причина в другом: в вековой традиции, обычае говорить друг другу только приятное и радостное. И чем значительнее должность, которую человек занимал, тем больше радостного и приятного ему говорили. Впрочем, с принципом получения должностным лицом одной лишь желаемой информации — пожалуй, самым постыдным принципом управления общественными и экономическими процессами — у афганской традиции нет ничего общего. Критика только набирает силу. Пока это, правда, почти не относится к средствам массовой информации, особенно телевидению. Но, кроме традиций, тут есть еще и другие причины: сама революционная направленность передач вызывает дикую озлобленность контрреволюции — за последние несколько лет здесь убито 45 телевизионных дикторов и журналистов. Человек, появляющийся на экране, легкоузнаваем. Именно поэтому даже дом, в котором живут в Кабуле корреспондент советского телевидения Михаил Лещинский и его жена Ада Петрова — передачи из Москвы транслируются на ДРА с помощью космической системы связи,— круглые сутки охраняется вооруженным солдатом царандоя (народная милиция). Корреспонденты в прямом смысле слова оказались на передовой необъявленной войны.

Соображения безопасности влияли, кстати, и на маршруты нашего журналистского корпуса.

Итак, шаг по расширению социальной базы революции сделан. Следующий — расширение и укрепление экономической основы революции. Отвечая на мой вопрос о принимаемых в этой связи мерах, председатель государственного планового комитета Сарвар Мангал подчеркнул, что партией взят курс на модернизацию устаревших производств, строительство новых предприятий, подготовку в государственном масштабе квалифицированных специалистов и рабочих.

«Решающую помощь в модернизации промышленности Афганистана,— сказал Мангал,— нам оказывает Советский Союз и другие социалистические страны».

В сущности, ни один из западных журналистов, как выяснилось, не знал о подлинных масштабах и характере этой помощи. О военной — знали многое. А об экономической, не говоря уже о помощи в области культуры, медицины, образования,— самую малость.

Один из японских журналистов не скрывал своего удив-

ления: «Военная помощь СССР Афганистану все больше превращается в экономическую».

Корреспондент финского радио и ТВ Рейо Никкиля сказал в этой связи: «Возможно, многим из нас пора менять взгляды на эти вещи».

Частное предпринимательство, особенно торгово-промышленный капитал, играет значительную роль в экономике страны, ее развитии и укреплении. Уточню: сумма, израсходованная государством на хадж (паломничество), равна примерно 730 миллионам афгани. Государство взяло на себя расходы богословского факультета Кабульского университета и 20 медресе (религиозных школ). Готовится также открытие Исламского института в Кабуле. Новая политика правительства привлекает большое число национальных предпринимателей. По сообщениям афганской печати, в частном секторе действуют около трехсот предприятий. В стране создан авторитетный орган — экономический консультативный совет. В него входят торговцы, промышленники, землевладельцы. Из этого следует, что все названные социальные группы в ДРА существуют, а не уничтожены, вопреки утверждениям на Западе.

Разрабатывается система кредитования на льготных условиях мелких и средних торговцев. Я уже упоминал о центральной кабульской таможне. Это место, где очень легко определяется степень торговой активности. При нас обрабатывали грузы из Сингапура, ФРГ, Индии, Швеции, Японии, Кореи и других стран. Суматоха и невообразимый восточный гвалт превращали таможню в действующий вулкан. В сравнении с кабульской таможня Нью-Йорка — тихое провинциальное кладбище.

В последнее время оживление коснулось многого. Но в общем жизнь афганца остается очень трудной. В один из дней я оказался на предприятии «Афгантекстиль». Был обеденный перерыв. Через двор по одному и по двое шли рабочие. Они тянулись к зданию в конце фабричной территории и там, у низкого окошка, получали свою порцию еды. Обед состоял из миски супа и куска хлебной лепешки.

Весь обед.

При наличии в стране частных предприятий наемный труд запретить нельзя. Отсюда проблема рабочей силы на многих государственных предприятиях. На большинстве из них преобладает, конечно, ручной труд. Было что снимать американцам из Эй-би-си. Километр пленки ушел только на один сюжет: рабочий завода «Джангалак» сидел на це-

ментном полу и тяжелым молотком изгибал и выравнивал металлические угольники.

В кишлаке Шина нас окружили молчаливые вооруженные люди. Рядом со взрослыми стояли дети. Одежда для зимы была очень легкой. Один мальчик обут в разную обувь: на его правой ноге — огромная разбитая мужская туфля, на левой — старая женская на высоком каблуке. Корреспондент шведского телевидения Ролф Хансон, разглядывая обувь афганцев, с горечью заметил: «Здесь достаточно снять только то, во что они обуты. А потом показывать по телевидению Европы и Америки. Это и будет вся правда».

Вся или только ее часть — неважно. Главное — правда. Американцы спросили седобородого старика:

— Хоть что-нибудь меняется к лучшему?

И включили магнитофоны.

Старик сказал:

— Я назову только то, что можно увидеть глазами: построена школа; проложена новая дорога в Шину — вы по ней ехали; появился электрический свет; построена дамба от села; сделан водозаборник.

— А что меняется в главном?

— В главном поменялось главное,— ответил старик.— Мы стали сами руководить своими делами...

Государство, пребывавшее в крайней бедности в течение столетий, не может стать богатым в течение нескольких лет. Страна, исповедующая ислам в течение столетий, не может рассчитывать на внезапное атеистическое прозрение. На подобные вещи могут рассчитывать только политические краснобаи. «Пройдет 10 лет,— заявлял один из них в Кабуле вскоре после революции,— и мы во всех отношениях обгоним республики советской Средней Азии»...

На смену тому, что было вчера,— со всеми его промахами, игнорированием исторических традиций и национальных факторов, забеганием вперед — приходит понимание колоссальных сложностей общественного развития. Понимание истины: ислам в исламской стране не просто вера, но образ жизни.

Самый многочисленный и, кстати, самый неимущий отряд духовенства — кишлачные муллы — получают постоянную помощь властей: свыше 11 тысяч из них находятся на государственных окладах. На восстановление мечетей и медресе, варварски разрушенных душманами, государство потратило уже сумму в пять с половиной миллионов долларов. И работы продолжаются.

Мы посетили мечеть Вазир Акбар Хан. После намаза Ахмед аль-Нуман из кувейтской газеты «Аль-Ватан» сказал: «Ислам в нашем арабском мире — центральный вопрос. За тем, что происходит сейчас в Афганистане, мы наблюдаем с особым вниманием. Я убедился: религиозный вопрос решается здесь намного лучше, чем в других мусульманских странах. Меня поражает, что каждый год джирга [1] определяет из верующих самых бедных и они отправляются в Мекку за счет государства. Это невероятно. Я должен рассказать об этом арабскому миру».

Приведу в связи с этим выдержку из интервью Генерального секретаря ЦК НДПА Наджиба.

«К числу актуальных задач нашей политики мы относим создание на всей территории страны такой обстановки, при которой спорные вопросы решались бы сообща, мирным путем, без применения оружия, в атмосфере доверия, сотрудничества и братства, на основе общенациональных интересов и общенационального согласия. Наша политика направлена на расширение социальной базы революции, наш новый подход к этим вопросам заключается в готовности к широкому общенациональному сотрудничеству в интересах всего народа. Эта готовность предполагает:

— введение в состав руководящих государственных органов — в Революционный совет, Совет министров — беспартийных авторитетных представителей различных слоев и групп населения;

— расширение диалога с теми социальными группами, которые пока еще неосознанно занимают враждебные революции позиции;

— возможные гибкие компромиссы на принципиальной основе во имя национального согласия, установления в стране мира, обеспечения ее безопасности».

Важной особенностью нового подхода является и это: готовность сотрудничать с теми, кто оказался за рубежом. Им, при полной гарантии безопасности, без всякой дискриминации, с уважением к человеческому достоинству, о чем не раз заявляли в последнее время руководители страны, будет предоставлена возможность включиться в дело строительства процветающего, независимого Афганистана.

Поставки оружия, иностранное вмешательство, военные действия и присутствие в Афганистане советских солдат и военной техники — главная тема каждого дня. Она поднималась журналистами на всех встречах.

[1] Джирга — совет старейшин.

Японский журналист И. Ниидзума, представляющий одну из крупнейших газет Азии — «Асахи», задумал интервью с советскими солдатами, проходящими службу в Афганистане. Командование ограниченного контингента советских войск в ДРА удовлетворило просьбу. Встреча советских солдат и представителей буржуазной прессы состоялась в номере гостиницы «Ариана» (к «Асахи» присоединилось японское телеграфное агентство). Два славных советских парня, рядовой Сергей Грачев и рядовой Андрей Санников, искренне и подробно рассказали японцам о своей службе, родителях и друзьях. Избегая громких слов, они разъяснили цели и причины своего присутствия в ДРА. И вот эпизод этого интервью, которое было, кстати, моментально передано и опубликовано в Токио.

— Вы видели смерть своими глазами? — спросил И. Ниидзума у Андрея Санникова.

— Да,— ответил солдат.— Мы ехали колонной, и одна из наших машин подорвалась на мине. В машине был мой друг. Я видел, как он погиб.

— Что же это была за мина? — спросил Ниидзума.

— Это была самодельная мина,— ответил Санников.

— Понятно,— кивнул журналист.

— Но ее подорвали радиостанцией,— сказал солдат.

— О,— сказали японцы,— она тоже была самодельной?

— Нет,— сказал солдат.

— А какой же? — несло на камни журналистов Страны восходящего солнца.

— Японской,— сказал солдат.— Я сам радист. Когда наши захватили «духов», принесли радиостанцию. Я увидел: это новейшая японская портативная радиостанция с пятью жестко фиксированными частотами.

— Что это значит? — спросили обескураженные журналисты.

— Никто не знает, где что всплывет,— сказал второй солдат — Сергей Грачев.— Хотя Япония — не США. Душманам не помогает.

— Закончу с радиостанцией,— повторил Санников,— с ее помощью можно на большом расстоянии управлять взрывом одновременно пяти фугасов или минных участков...

«Никто не знает, где что всплывет»!

Вот она — проблема проблем: перенасыщенность мира оружием и военной техникой.

Вот оно — осознанное или неосознанное, прямое или окольное, вольное или невольное участие всех во всем и всего в судьбе каждого.

Вот она — драма теснейших взаимозависимостей, которых еще не знала цивилизация.

Вот оно — последнее требование разума: покончить с любым видом оружия. Иначе оружие покончит с нами. Не с отдельными из нас, как было вчера, а со всеми нами, как может быть завтра.

* * *

Джелалабад — это афганские субтропики. Мы прилетели сюда на самолете военно-воздушных сил ДРА. Здесь и произошла встреча с беженцами из Пакистана.

В мире нет, пожалуй, ни одного органа информации, который бы не прокомментировал проблему, возникшую у Хайберского хребта. Тем более важно было увидеться с беженцами лицом к лицу, из первых уст узнать о событиях.

Молодые пуштуны и седобородые старики с выцветшими, как старый шелк, глазами, медлительные, пока речь не идет об оружии, не скрывали, что потрясены событиями на своей родине. Кровавый котел, из которого они вырвались, кипел совсем рядом. Переговоры о том, чтобы нас, журналистов, приблизили к Хайберскому перевалу, еще велись, но даже тем, кто их вел, было ясно, что все это впустую: сражение между регулярной пакистанской армией и вооруженными формированиями пуштунов племен шинвари и африди ожесточалось. А здесь было безопасно: встреча проходила в роскошном саду бывшего дворца Закир-шаха. Беженцы заполнили этот сад. Некоторые расположились на густой траве среди клумб тяжелых зимних роз. Другим их соплеменникам повезло меньше — они нашли пристанище в пропыленных рваных палатках вдоль дороги, ведущей в центр Джелалабада. У входа в палатки в грязи вместе с собаками копошились дети.

Рассказывая свою историю, беженцы бросали взгляды поверх наших голов. Там виднелись снежные вершины Белых гор. Там, в районе Хайбера, шла пальба, лилась кровь и вершилось преступление.

Существует немало версий относительно причин, спровоцировавших хайберскую трагедию. Путаней всего ее объясняют сами жертвы: когда твой дом крушит танк, а твою мать или дочь расстреливают в упор, твоим братьям отрубают кисти рук — тебе не до логики. Опасней, если не до логики тем, кто пишет о событии. Кто закрывает глаза на историю и вместо того, чтобы придерживаться фактов, жонглирует версиями.

Между тем правда одна: режим Зия-уль-Хака двинул на

племена почти 15-тысячную регулярную армию, оснащенную танками, самолетами и артиллерией. Армия блокировала целые районы, навязала пуштунам жестокие бои.

Эта акция пакистанских властей, как известно, была предпринята после решения свободных племен не пропускать через район своего проживания афганских душманов, идущих на территорию ДРА. Вот, собственно, и вся загадка.

Советники Зия-уль-Хака не довели до сведения генерала одно историческое свидетельство — возможно, оно заставило бы его задуматься. Свидетельство оставил не кто иной, как английский политик Уинстон Черчилль, лично воевавший против пуштунов в конце XIX века. Покидая Афганистан, он писал: «Каждый пуштун — это воин, политик и богослов... Каждая пуштунская семья готова мстить. Лишь очень немногие долги остаются неоплаченными сполна».

Долги армии Зия-уль-Хака растут. Избиение пуштунов продолжается.

Ничто не способно заменить простые слова человека, свидетельствующего против разбоя.

На вопросы журналистов отвечает беженец по имени Миаджан.

— Что делают ваши соплеменники?

— Уходят в горы.

— Что они делают в горах?

— Продолжают борьбу. Они сражаются с солдатами Исламабада и с душманами, которые не дают нам жить.

— Как вас приняли здесь, в Афганистане?

— В этой провинции живут наши братья — пуштуны. Нам оказали помощь. Многие уже расселены по домам. Нам дают одеяла, лекарства и еду.

Телекамеры перемещаются вдоль толпы.

— На Западе говорят, что Зия-уль-Хак затеял войну не из-за ваших взаимоотношений с афганскими душманами.

— А из-за чего?

— Из-за наркотиков. На Западе утверждают, что вы производите гашиш, торгуете им.

— Этим занимается Ахмед Месауд Гей-ляни.

— Кто это?

— Главарь душманской банды.

— Он действует один?

— Нет. Он орудует с братом Гульбеддина [1]. Они имеют восемнадцать установок по переработке гашиша.

---

[1] Гульбеддин — один из главарей афганской контрреволюции.

— Вы умеете читать?
— Нет.
— А ваши люди?
— Нет.
— Вас не обучают грамоте?
— Нет. Но наши люди многое знают. Мы знаем, кто наш друг, а кто — враг.
— Где ваши дети?
— Они с нами.
— А те, у которых погибли родители?
— Мы забрали их с собой.
— В Кабуле организован дом для сирот — «Ватан». Их могут туда принять? Вместе с афганскими детьми?
— Наверное, могут.
— Почему же вы этим не пользуетесь?
— Мы так не поступаем. Если у мальчика гибнут отец и мать — он становится сыном племени. То же самое с девочкой.

...В Кабуле лунный свет — как знак других веков. А комендантский час — примета нашего века. До его наступления оставалось полчаса.

Журналисты только что покинули отель «Кабул». В ресторане отеля, где проходила свадьба, их знакомили с местными традициями.

Уехали все. Осталось двое — корреспондент американской телекомпании Си-эн-эн Стюард Лури и я. Теперь мы стояли у входа в отель, на лунной стороне, и ждали машину, которая должна была отвезти нас в бывший «Интерконтиненталь», туда, где жил весь наш корпус.

Машина задерживалась. Громада массивного «Кабула» нависала над улицей.

— В этом отеле я останавливался шесть лет назад,— сказал я.— В номере 117.

Стюард раскурил сигару:

— Что-то в нем темно.

Окно выходило на улицу, на фасад национального банка. Большинство окон второго этажа светились, а «мое» было темным.

— Паршивый был номер, он достался мне после побоища. Все было разбито, прострелено. В номер заманили, а затем убили посла США Адольфа Дабса.

— А-а,— сказал Стюард,— об этом у нас много писали.

— Об этом писали всюду.

— Террористов так и не нашли? — спросил Стюард.

— Их убили прямо в номере. Убили при попытке освободить посла.

До наступления комендантского часа оставалось минут десять.

Наконец машина подошла.

Но сначала надо было убедиться, что это наша машина: не хватало еще угодить в ловушку.

Убедились.

Машина рванулась с места. Ее вел афганец в тяжелой чалме. Он жал, как мог. Через пять минут в свете фар начали появляться громоздкие БТР и БМП. На бронированных боках сидели вооруженные солдаты. Военная техника подтягивалась к перекресткам, занимала позиции на магистралях.

Ситуация в высшей степени необычная: по темным улицам Кабула мчится машина, в которой советский и американский журналисты. Кажется, мы оба понимали это.

Меняется все.

А утром мне рассказали о выходке соотечественников Лури, об этом я и поведал Стюарду.

Два американских телеоператора и около двухсот душманов, переодетых в форму солдат афганской армии, спровоцировали беспорядки на КПП в районе Торхам. Начальник погранпоста Мамадхан сообщил в Кабул, что у американцев кроме телекамер были мегафоны. С их помощью они управляли «массовкой», отдавали команды о переходе границы, рукопашной и так далее. А потом снимали.

Стюард стряхнул пепел с тлеющей в темноте сигары и рассмеялся.

В кармане моего пиджака лежала копия одного документа. И снова — об американце. О Дэне Разере — известном комментаторе телекомпании Си-би-эс. Но говорить об этом Стюарду я не стал.

Суть такова: группа американских журналистов, незаконно прибывшая из Пакистана в ДРА, присоединилась к душманской банде, в которой орудовали некие Шейх Мула Мир и Модир Муххамед Голь. Они же, попавшись, дали показания. Цитирую копию документа: «Американские журналисты в составе банды душманов участвовали в нападении на афганский кишлак Фатеабад. Во время нападения были захвачены трое рабочих оросительного комплекса. Один из журналистов отдал приказ бандитам подвергнуть пленных жестоким пыткам. После истязаний они были забиты камнями. Эта дикая сцена была снята на кинопленку.

Позднее комментатор Си-би-эс Дэн Разер в интервью газете «Крисчен сайенс монитор» заявил, что это он, изменив внешность, во главе группы американских журналистов, переодетых в афганскую национальную одежду, проник на территорию ДРА, где снял фильм «Борьба афганцев за свободу». «Вышесказанное Дэном Разером,— говорилось далее в документе,— полностью подтверждает признание арестованных бандитов. Вне всякого сомнения, сам Дэн Разер принимал участие в убийстве и зверских пытках трех афганских рабочих, совершил это преступление на территории Афганистана. Имеются свидетели, подтверждающие личность одного из убийц. Это гражданин США Дэн Разер».

На титульном листе ноты МИД ДРА посольству США, строки из которой процитированы, стояла дата: 10 сентября 1980 года. Почему же нота снова появилась на свет? Виновник — сам Дэн Разер. Узнав о том, что для ознакомления с положением дел в ДРА министерство иностранных дел республики пригласило группу иностранных журналистов, в том числе и американских, он как ни в чем не бывало предложил свои услуги.

— Приехали! — сказал Стюард.

И правда — машина уже подруливала к отелю.

Журналисты западных изданий и телекомпаний улетали — я оставался.

Прощаясь, они говорили: «Жаль, поездка была очень короткой. Не все удалось увидеть и узнать». Но каждый соглашался: «Так бывает всегда... не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием».

Поездка подтвердила истину: хочешь узнать чужой дом — не лезь в него, как вор, через форточку. Не подбирай отмычек к его замкам за спиной хозяина. Жди, когда тебя пригласят. Пригласили — входи. Входи через дверь и будь гостем.

Мы были гостями.

Поездка показала: на многие проблемы мы смотрим поразному. Но есть проблемы, на которые мы смотрим почти одинаково. Сложности, которые переживает древняя страна,— такая проблема.

Оружие, которое подтаскивают сюда со всех сторон света враги революции,— такая проблема.

Решать эти проблемы — дело политиков, а не журналистов. Но большинство из тех, кто написал об этой поездке, подал сигнал, знак: невоенные, мирные пути решения во-

проса возможны. Их надо искать. Искать настойчиво и энергично. Чем дольше необъявленная война, вражда будут терзать афганский народ, тем больше проблем будет нагромождаться в этой стране. Тем больше сердец в других концах земли будет разрываться от горя. Тем больше злобы, спекуляций и подозрений будет распространяться по всему миру. Выход один — политическое урегулирование.

Другого — нет. Любой другой путь упрется в камни, забрызганные кровью.

СОЛДАТЫ ГОР

План был прост: в 9 часов утра у КПП мотострелкового полка нас встречает начальник штаба, и мы отправляемся в дорогу. Дорога проходит через горные ущелья, истерзана минами и фугасами, засады и обстрелы на ней обычное дело.

В 9.00, как и условились, мы подъехали к КПП. Но майора не было. С вечера он отправился на задание и к утру не вернулся. Мы знали: кроме прочих дел, начальник штаба собирался побывать на заставах у советских воинов. Вместе с афганскими солдатами они охраняли наиболее опасные, а часто смертельно опасные участки дороги.

На эту часть поездки я и рассчитывал. Хотелось увидеть, как служат наши солдаты, хотя бы на время оказаться в их положении. Для этого нужно было побыть с ними вместе.

В поездку отправлялись и два тележурналиста — Михаил Лещинский и Владимир Гусев. Это их репортажи из Афганистана вы часто смотрите в информационной программе «Время».

Втроем мы и торчали теперь у КПП. Над близкими горами сияло солнце. Его лучи висели над военным городком — хозяйством майора. Лучи казались чересчур золотыми. Казармы, собранные из светло-желтых дощатых щитов, были слишком нарядными. Аллея, рассекающая территорию городка, напоминала почтовую открытку — до того была ухоженной. Полк располагался в живописном уголке и был излюбленным местом посещения многих проверяющих.

Солнце поднималось все выше, майор задерживался серьезно.

Каждая поездка, из которой ты можешь не вернуться или вернуться, но уже другим, начинается одинаково: вна-

чале опасаешься, что она сорвется. Но по мере того как сроки смещаются, приходит на ум и иное: без этой поездки ты вполне можешь обойтись. Ведь это опасно. Можешь погибнуть. Могут ранить, да еще так, что останешься калекой. Ты можешь узнать о себе такое, чего лучше бы и не знать. Так что «отбой» — не худший вариант. Это честное признание, хоть для честного оно, быть может, и слишком многословно. Но так, пожалуй, думает каждый. Каждый в отдельности. А вместе поступят одинаково: как только все уладится, отправятся в поездку. Как и в этот раз.

Над дорогой появилось белое облако пыли. Потом бронетранспортер. Потом майор, которого мы ждали.

— Два часа опоздания! — сказал один из нас.

— На Востоке это не время,— заметил другой.

Мы выбрались из осточертевшей машины — пошли навстречу майору.

Он не стал прыгать с брони, как все, а взялся рукой за основание антенны и осторожно спустился вниз. Белая густая пыль, пропитавшая куртку и военную кепочку, делала его похожим на мельника. Он был высоким, сильным и молодым. Он с трудом волок левую ногу: что-то случилось. Увидев нас, спросил:

— Готовы?

— А то нет!

— Едем,— сказал он и улыбнулся.

Две боевые машины пехоты — БМП — были готовы. Они развернулись прямо перед нами: впечатление такое, будто рядом пронесся груженый железнодорожный состав. Первым залез на броню майор. Потом мы. Последними — солдаты.

Если ты ездишь по дорогам этой страны, а не отсиживаешься в Кабуле, то очень скоро принимаешь местные порядки. Езда на открытой броне БМП и БТР — одна из особенностей сегодняшнего Афганистана. Это не лихачество и не пижонство. Это шанс солдата. Если бронетранспортер или БМП напоролись на мину (что в стране жестокой минной войны не такая уж редкость), есть шанс уцелеть, слетев на землю. Это знают все. И ездят на броне.

Над нашими головами, над всем предгорьем, висели боевые вертолеты — у них всегда было полно работы. Вертолеты летали только парами и никогда по одному. Расширялся сектор обзора — так сказать, в четыре глаза. Если один из вертолетов садился для выполнения задания, вто-

рой совершал облет, прикрывал его с воздуха, а заодно наблюдал и за всей обстановкой на земле. Наконец, если один оказывался подбитым и совершал вынужденную посадку, второй тут же приземлялся рядом и забирал сбитый экипаж.

Я легко привык к лязгу гусениц. Многотонная могучая машина шла мощно и быстро. К обстановке и экипажу привыкнуть было трудней. Конечно, мы втягивались в одно и то же дело. Но я чувствовал себя еще отдельно — не вместе со всеми. Говорю о своих ощущениях потому, что через подобное здесь проходит каждый — и журналист, и солдат.

Ты новичок. Ты человек из другого мира — мира, в котором все иначе. Еще вчера ты ходил по улицам Москвы и занимался привычными делами. Спорил о фильме, устраивал чьи-то дела, обсуждал новые смещения и назначения. Ты как будто забыл, что война, борьба и усилия — это реальности нашего мира. И если они по каким-то причинам отсутствуют в одном его месте, значит, существуют в другом. И очень быстро и неожиданно могут переместиться. Или переместишься ты сам. И к этому надо быть готовым. Надо! А это не так просто.

Многих из нас расхолаживают безопасность и прекраснодушие. Мирное небо над головой воспринимается не как условие для борьбы и усилий, а как условие благополучия. Того благополучия, которое, как иным кажется, навсегда даровано прошлыми победами. Или особой социальной судьбой.

А тут, на броне, все это разлеталось на осколки. И чтобы их собрать в новую, более прочную, соответствующую обстановке человеческую конструкцию, в некий внутренний кристалл, нужно было время. Где его взять? Машины шли вперед неукротимо и стремительно. Впереди горы и опасность.

Ни майор, ни солдаты не смотрели по сторонам — они смотрели только на дорогу. Мы миновали корпуса старых зданий. Затем — низкие глинобитные развалины в стороне от дороги. Затем — последние одинокие дуканы. Их стекла были наполовину заклеены журнальными фотографиями европейских потаскух. Вскоре началась серая, ровная долина. Она лежала у подножия бронзово-черной гряды Гиндукуша и напоминала русскую степь, но без травы и привычного запаха — степь хрупкого мира. И почти сразу мы оказались в горах — в горах войны. То, с какой быстро-

той и неизбежностью это произошло, можно сравнить с чем-то вроде наступления человеческой старости.

Перед каждым тоннелем майор поднимал руку. Два пальца были разведены. Жест майора означал запрос — не отстала ли вторая машина?

Стрелок кричал:

— Едет!

Тоннели были холодными и сырыми. Свет от фар БМП казался в них розовым с золотым, вернее, с золотушным оттенком. Так, наверное, выглядит блеск золотой вещицы на солнце, когда на нее смотрит тяжелораненый.

Наш механик-водитель Василий Леонтьев находился не на открытой броне, а внутри машины. Его голова в черном шлеме торчала из люка, как морская мина. По этой дороге он вел БМП впервые.

Ни спусков, ни поворотов он не знал. А повороты следовали один за другим. Кроме того, дорога резко ныряла вниз, а потом круто поднималась вверх. Встречались участки, где левая гусеница проходила в 20 сантиметрах от пропасти, глубина которой, как правило, доходила до километра.

А тут еще встречный транспорт! Разболтанные, перегруженные пассажирами автобусы были сущим бедствием. Едва БМП уворачивалась от автобуса — из-за поворота вываливался грузовик. Чаще всего грузовики везли скот или шкуры.

Итак, водитель не знал поворотов. Зато начальник штаба полка — майор Руслан Аушев — знал их назубок. Вытянув перед собой ушибленную в ночной поездке ногу, Аушев держался правой рукой за ствол пушки БМП, а левую не снимал со шлема Леонтьева. Он нажимал ладонью на шлем, поворачивая голову водителя вправо или влево (тише или быстрее), и таким образом сообщал тому информацию о дороге. Вскоре дорога стала посвободней. А потом и вовсе пустынной. Я слышал, что Аушев прошел здесь через все. Не знаю, через что еще можно пройти, если хоть один раз прошел через такое: в твою грудь упирается внезапно возникшая винтовка и враг спускает курок. Курок щелкает, а выстрела нет — осечка! Секунды достаточно, чтобы враг оказался на земле. Второй секунды достаточно для возмездия. После этого Аушев разряжает винтовку врага и забирает умный патрон — на память. Происходит целый ряд других событий в его афганской жизни, и в конце концов патрон-талисман становится экспонатом Центрального музея Вооруженных Сил СССР в Москве.

Рядом со мной на броне тряслись другие бойцы экипажа. Слева, чуть позади, придерживая автомат, сидел рядовой Александр Поляков. У него был свежий румянец и мальчишеское лицо. Он поправлял подсумок с патронами и всматривался в проплывающие рядом скалы. Его автомат был наготове. Справа, у гнезда антенны, которая билась о нависающие над дорогой камни, сидел рядовой Бахрам Одинеев. У него тоже был свежий румянец и мальчишеское лицо. Он тоже всматривался в проплывающие скалы. Его автомат был наготове. Впереди на БМП сидел сержант Иван Батыру — среди них безусловный чемпион по румянцу. Сержант также сжимал оружие и не сводил глаз со скал. Все вместе и каждый в отдельности они несли свою трудную службу. Они осматривали скалы — нападение могло произойти в любую секунду. И в любую секунду они были готовы вступить в сражение. Эта их готовность здесь, в Афганистане, была уже не временным, а постоянным состоянием. И она, эта готовность, отличала их от всех тех, кто ее еще не обрел. И от них самих, какими они были в первые месяцы службы. Повторю: здесь не только у меня, человека гражданской профессии, ломались какие-то представления о жизни. У солдат тоже. И пожалуй, с еще большей силой — ведь солдатам-то по девятнадцать-двадцать лет. В их возрасте все резче, все сильней.

Каким ты был вчера — уже не важно. Важно то, каким ты стал сегодня. Ты должен. Вот смысл и условие твоей новой военной жизни. Ты должен. Это то, что вчера показалось бы громкими словами, а сегодня, когда в руках автомат, а рядом враг,— содержание всей твоей жизни. Хочешь не хочешь, а искать новую, прочную «человеческую конструкцию» — надо. Обретать новый внутренний кристалл — надо.

В узком и мрачном ущелье двигатель нашей машины заглох. Мы остановились. Солдаты, не сговариваясь, подняли холодные стволы. Вторая машина, не заглушая мотора, остановилась тоже — мы перекрыли ей дорогу. Справа был отвесный обрыв, слева — уходящие в небо скалы. Мы оказались в исключительно уязвимом положении. Могли открыть сильный ответный огонь. Но уйти из-под обстрела не могли. Впереди — метров тридцать — в желтой воде горной реки торчал скелет сожженного бэтээра. Впоследствии мы увидели их немало — и бэтээров, и машин, и автобусов и даже один танк, но этот я запомнил лучше других — до того он был искорежен.

Майор Аушев и механик-водитель Василий Леонтьев принялись за ремонт. Подняли капот и влезли в раскаленную, пропахшую мазутом утробу БМП. Леонтьеву не больше двадцати. Уравновешенный, степенный парень. Вел себя так, как будто ремонтировал не БМП под возможным прицелом снайпера, а двигатель своего трактора, который он водил недавно за околицей села Есиновцы Хмельницкой области, радуя свою маму Прасковью Ефимовну первыми получками. Но военная, солдатская сила и собранность уже угадывались во всех его движениях.

Солдаты тут же поделили скалы на секторы. Каждый контролировал свой. Я подумал, как мало в этом деле значит опыт. В сущности, подумал я, он не значит ничего: опасность в каменном хаосе могут выдать только две вещи — движение и звук. И то и другое способен засечь как новичок, так и старожил.

Разве нет?

Нет.

Теперь я знаю — нет!

Новичок в отличие от ветерана не сразу поверит в то, что увидит или услышит. И пожелает убедиться еще раз. Это и будет его ошибкой. А опытный боец ждать повторения не станет — хорошо знает: в горах все решает реакция. Или ты врага, или...

Далеко впереди, на фоне чистого, высокого неба, пролетела вертолетная пара. В небе появились белые хлопковые коробочки — следы разрывов. Повели охоту «эрликоны» — горные зенитки «духов».

Я уставился на близкие дикие скалы. В каждого из нас, думал я, можно попасть вон из-за того камня. И рассматривал камень. В следующую минуту решал, что выстрелят из-за другого. И рассматривал другой. Так продолжалось довольно долго. Опасность была разлита всюду. Ее восприятие зависело от двух вещей: готовности к сопротивлению или неготовности. Этим определялось решительно все. Солдаты были к сопротивлению готовы.

Я сидел на жесткой, омертвевшей броне БМП и ждал. Ждал! Понял лишь потом: это были минуты перерождения. Если оно действительно происходит, ты окончательно избавляешься от страха за собственную жизнь. Избавившись, ты оказываешься уже не сам по себе, а вместе со всеми. И только после этого ты наконец можешь по-настоящему ощутить единство людей, идущих на бой. Людей, готовых к сражению.

Теперь бы вперед, да дело дрянь. Аушев похромал ко

второй машине. С ее брони спрыгнул старший лейтенант Николай Чиж. Он приблизился к начальнику штаба. Они о чем-то поговорили. Я знал одного начальника штаба, который даже в условиях мертвой лесной тишины Подмосковья кричал, надрываясь, по любому поводу. Однако подчиненные слушали его лишь до тех пор, пока он кричал. Руслан Аушев говорил тихо и доброжелательно. Его голос, несмотря на шум близкой горной реки, вой ветра в ущелье и рев БМП, был слышен всем.

Он принял единственно верное решение: попытаться завести нашу машину с ходу — с помощью второй. Леонтьев, бедолага, перепачканный с головы до ног, захлопнул широкий зеленый капот и вернулся за рычаги. Аушев также залез на броню.

— Держитесь! — сказал он.

Вторая машина с грохотом двинулась на нас. В следующую секунду мы едва не послетали вниз — многотонная броня дрогнула и вздыбилась. Но машина тут же выровнялась, корма осела, а гусеницы прижались к земле. Подталкиваемые сзади, мы поползли по дороге. Двигатель «схватился», завелся. Облако черной удушливой гари, выброшенной через металлическую сетку выхлопного четырехугольника, накрыло меня грязной горячей волной. «Давай, давай,— подумал я.— Зато мы едем».

Мое знакомство с майором было курьезным. Я оказался, видимо, одним из немногих людей в СССР и Афганистане, которым ни разу не пришлось видеть многократно повторенную передачу (она транслировалась и на ДРА) Центрального телевидения, в которой рассказывалось о майоре. И не только о нем — о его жене, ребенке, матери, отце и братьях. Его биография была сжатой, энергичной и добротной. Отличная служба в Афганистане, направление в Москву, в Академию имени Фрунзе. Отличная учеба в академии. Окончание. Личный рапорт о новом направлении в ДРА. Решение положительное: направить. И снова — Афганистан. Снова — отличная служба. Фамилию «Аушев» к этому времени здесь знают уже все. Но это заслуга не одного Руслана. Эстафета подхвачена его родными братьями — Адамом и Багаудином (на солдатском наречии — Борисом). Точное повторение афганского пути Руслана — отличная служба, боевые награды и тот же финал: направление в Москву, в Академию имени Фрунзе. Сейчас оба брата майора — ее слушатели. Такая семья.

На одном из прямых участков дороги механик Леонтьев расшуровал БМП до 60 километров в час. Впереди по-

казался бетонный мост. До пролета оставалось не больше 40 метров. Аушева вдруг словно подбросило: он так крутанул голову водителя, что чуть не свернул тому вязы.

— Вправо! — закричал он что было силы.— Вправо!!

Леонтьев бросил многотонную бронированную машину вправо, вниз, под откос. Все произошло мгновенно. Мы ничего не поняли. Но вцепиться в то, что торчало над броней, успели.

Только внизу, на дне пересохшего глубокого оврага, через который и был переброшен мост, увидели то, что раньше нас заметил Аушев,— первый пролет моста был взорван.

Мост взорвали недавно: объезд по дну оврага только нащупывали, накатывали.

Мы останавливались на заставах. Начальник штаба проверял боевую подготовку солдат, маскировку, условия солдатского быта. Выслушивал доклады, делал замечания, давал советы. Это было его обычное дело. И эта поездка была обычной для него. Аушеву нравилось вникать во все, а солдатам и их прямым командирам нравилось ему докладывать — впечатление было именно такое.

Ясно как день: должность, звание в армии — первое дело. Но здесь было что-то еще. То, что с особой наглядностью проявляется в отношениях между современным офицером и современным солдатом. А именно: уважение к человеческой личности.

Молодость Аушева и молодость солдат не мешали этому, а помогали. Условия боевых, не только учебных действий не упрощали это, а усиливали.

Руслан Аушев сформировался в мирное время. Но, как и другие молодые люди, избравшие военную специальность, он раньше других осознал новую ситуацию и новые тревоги нашего древнего мира. Среди прописных истин, которые мы порой благополучно игнорируем, находится и эта — истина о возможности войны. Руслан Аушев и такие, как он, не отмахнулись от нее — усвоили. Вначале теоретически. Потом на деле. На собственном опыте. Усвоив, Аушев стал отличным офицером.

А солдаты?

На одном из постов майор познакомил меня с рядовым Виктором Климашевичем. В бою Виктор был ранен. Он истекал кровью, но поста не оставил — бил по врагу до прихода подкрепления. Вчерашний школьник из Нико-

лаева не отступил и не запаниковал. Не дрогнул и не укрылся. За тот бой Виктор награжден медалью «За отвагу».

На другом посту мы познакомились с рядовым Виталием Лысаком — Лещинский и Гусев сняли его для передачи «Служу Советскому Союзу». Что сделал Виталий, чем отличился?

Он тоже был вынужден принять на посту бой. В перестрелке был тяжело ранен его товарищ — рядовой Владимир Ленков, пули попали в бедро и плечо. Виталий отбил нападение. Затем, разгоряченный боем, он потащил раненого на себе. Он тащил его по невероятным кручам. До сих пор не знает, как они не сорвались в пропасть. Он спас товарища. Теперь на куртке Виталия — тоже медаль «За отвагу». Родителям в Тюменскую область (отец — буровой мастер, мать — лаборантка) он, конечно, о награде сообщил. Но за что получил — сообщать не стал.

— О чем ты чаще всего думаешь? — спросил я у Виталия.— Что вспоминаешь?

— Союз,— ответил он.

— А потом?

— А потом, после демобилизации,— сказал он, смеясь,— буду вспоминать Афган. И нашу службу.

Это — на всю жизнь,— добавил он просто и искренне.

Поступок есть, был и останется ярким проявлением человека. Я присматривался к солдатам на постах и к тем, с которыми глотал холодную пыль на броне: чего-то мы о них действительно не знаем. Чего-то очень важного. Вслух мы объясняем все очень просто. В одном из афганских репортажей я прочитал: сегодняшние солдаты продолжают традиции своих героических отцов. Так и сказано: героических отцов. Это, разумеется, вздор. Отцы солдат, которые сегодня служат в Афганистане, как и в любой точке Советского Союза, не воевали по причине возраста. Мне лично, отцу недавнего солдата, как и моим ровесникам, чьи сыновья проходят в эти дни службу в армии, высокое определение «героический» ни к чему. Мы знаем, кому оно принадлежит по праву. Деду Виктора Климашевича, о котором я рассказал,— принадлежит: он воевал против фашизма. Он сидел в фашистском концлагере и выжил «всем смертям назло». Подлинных героев войны — миллионы. На их подвигах настоян воздух нашей истории, наш образ жизни. Той жизни, которая выносит любые колебания момента, любые шараханья и громогласные глупости.

Это как раз и важно, что из жизни общества, его прош-

лого и его настоящего, лучшие из наших сыновей и дочерей берут как раз только лучшее.

Разница между теми, кто в 41-м году шагнул на передовую, и теми, кого я встречал на заставах сражающегося с контрреволюцией Афганистана, меньше, чем принято думать. Она меньше, чем нам кажется. А может, ее нет и вовсе.

К вечеру мы приехали в расположение мотострелкового батальона. После пыльного многочасового грохота БМП голоса окруживших нас солдат, вой ветра и лай двух ошалевших собак показались тихими и глухими, словно на жизнь набросили ватник.

Майор Аушев выслушал рапорт комбата. Спросил: где такой-то?

Комбат ответил:

— Лег в госпиталь.

— На сохранение? — засмеялся Руслан.

Солдаты засмеялись тоже.

— Гланды,— улыбнулся комбат.

Наши солдаты пошли к умывальникам. От их румянца не осталось и следа: корки тяжелой грязи. Зато новые, местные солдаты выглядели так же, как наши в начале пути. При знакомстве они тщательно выговаривали свои имена: Сергей Алеев, Олег Бабушкин, Василий Киселев, Гегам Астроян, Валерий Васильев. Каждый был в бронежилете, подсумки прикрывали их плоские животы.

Домой эти парни вернутся не похожими на самих себя, какими были до службы. Они вернутся с новыми взглядами и новыми привычками. Эти взгляды не будут литературными и не будут чужими. Это будут их собственные взгляды. Их собственные представления о смелости и героизме, дружбе и честности.

Как встретят их дома?

Родители — понятно. А мы?

Я не раз вспоминал на этой дороге о письмах — письмах, которые ложились на редакционный стол в Москве. Письмах, направленных солдатам-интернационалистам, о которых мы рассказывали на газетных страницах.

Я вспоминал строки, в которых выражались признательность и любовь.

Но вспоминал и другие — те, в которых говорилось о равнодушии к солдатам, вернувшимся из ДРА, о чванстве чинуш.

Кого-то вычеркнули из очереди на квартиру;
кому-то отказали в любимой работе;
кого-то обошли даже простым человеческим вниманием.

Раненого, ставшего в двадцать лет инвалидом,— по конторам за справками!

Инвалида — сквозь ребра медицинской бюрократии!

Я вспоминал строки, в которых высказывалась идея: всем солдатам, выполнявшим интернациональный долг в Афганистане, вручать памятные медали, наподобие тех, которые вручались за освоение целины или за строительство БАМа.

Возможно, подобный знак или другой пора вручать и гражданским специалистам — дорожникам, автомобилистам, врачам, мелиораторам, геологам, работающим в труднейших условиях сражающейся страны, часто — под пулями.

Да, домой солдаты вернутся другими. Они привезут ненависть к подлости и крохоборству, мещанству и вранью. И это, конечно, очень важно — то, какими они вернутся, что привезут в своих сердцах и душах.

Но на броне, на заставах, на этой дороге я думал и о том, что сегодня еще более важно, а именно: то, какими они из дома сюда приходят и еще придут. То, какими они вообще появляются в подобных местах — где опасно, где трудно, где решаются сложнейшие проблемы времени.

Это зависит только от нас. Ни от кого другого — только от нас...

Внизу, у подножия плато, шумела дорога. Ее солдаты и охраняли. С одной стороны долины был пост афганской армии, с другой — советской. Дорога жила напряженной жизнью.

— Сегодня совались дважды,— сказал комбат.— Но открытые нападения не проблема.

— А что проблема? — спросил я.

— Минирование,— ответил комбат.— Это посложней. Не допустить минирования, вовремя засечь — наша задача.— На молодом открытом лице майора отразилась озабоченность.

Дорога, участок которой мы видели сверху, единственная, связывающая север и юг республики. Ее состояние было ужасающим: машины с горючим и минеральными удобрениями, военная техника и автобусы с людьми — все это корячилось, ломалось и трещало на рытвинах. «Нетруд-

но себе представить,— сказал майор,— что произойдет, если хоть один из ее участков окончательно выйдет из строя».

Плато, на котором батальон дислоцировался, было обнесено ограждением. С трех сторон территория была окольцована траншеями огневых позиций, ходами сообщений. Недалеко от обрыва стояло массивное, крепкое каменное здание. Хозяева в нем военные. На северной окраине плато возвышался помпезный гальюн, сооруженный из зеленых ящиков из-под боеприпасов. Всюду виднелись бочки с песком — проверенная защита от пуль и мелких осколков.

Солдаты расспрашивали о Союзе, о Москве, о Кабуле.

Вечер был волшебным. По темной эмали неба скользили последние розовые тени — солнце уходило за горы Ирана.

Тра-а-ах! Тра-та-та-та! — оборвала все сразу длинная автоматная очередь. Бойцы бросились к позициям. Рядом раздался сухой сильный выстрел — 50-миллиметровый реактивный патрон послал вверх осветительную ракету с парашютом.

Аушев промелькнул в траншеи гранатометчиков.

Комбат отдавал приказы пулеметчикам.

Автоматчики занимали позиции — слева я увидел рядовых Киселева и Васильева, с которыми только что разговаривал. Навыки, приобретенные в изнурительных, постоянных учениях, срабатывали теперь, в секунды внезапной опасности, механически.

Автоматчики заработали первыми — трассирующие пули тонкими сверкающими нитями повисли над долиной.

— Влево — сто! — кричал чей-то голос.— Влево — сто!

Трассирующие пули указывали цель. Тут же включились пушки двух БМП. Их выстрелы заглушили все. Скорость стрельбы была ошеломляющей: казалось, одновременно с улетающими светящимися снарядами на крутом склоне, откуда ударили «духи», сверкали яркие вспышки взрывов.

Я увидел, как заметалась долговязая фигура телеоператора Владимира Гусева. Подхватив свою камеру, он бросился в траншею и тут же стал снимать пулеметчиков, их напряженные лица и нагревающиеся от стрельбы стволы пулеметов. В один из моментов он завалился вдруг на спину и стал снимать пролетающие над головой снаряды — вернее, их огненные следы.

Быть без шлема рядом с палящими пушками БМП рискованно — можно спятить. Поэтому перебрался в траншею.

Вся застава — и солдаты, и командиры, и техника — действовала слаженно, четко, как единый механизм. Никто не был застигнут врасплох.

Огонь нарастал. Пыль, поднятая сапогами, оседала. Я прислонился к стенке траншеи: что дальше?

Дальше не было ничего: все стихло. Стволы замерли. Мы увидели: вечер кончился. Наступила ночь. Солдаты потянулись с огневых позиций. Комбат вытер с лица сажу и сказал Аушеву:

— Кажется, ночь обеспечили.

Но ночь оказалась беспокойной. «Духи» взялись за пост царандоя — пост охранял высоковольтные опоры. Сто двадцать из них были взорваны диверсантами. Опоры восстановили. Теперь враги старались достать их издалека — били ракетами «земля — земля». Мы с Лещинским стояли на террасе и смотрели в темноту. Ракеты ложились все ближе. В темноте их красные вспышки тлели как угли. Одна разорвалась совсем близко. Подошел Аушев. Он уже был без куртки и пилотки — в тельняшке. Тельняшка делала его совсем молодым. Черные густые усы тоже, как это ни странно, сбрасывали лет пять. А добрые, внимательные и озорные глаза завершали дело — мальчишка!

Понаблюдав за обстрелом, Руслан сказал:

— А где же бог войны?

И словно в ответ с севера, из далекой тьмы гор, послышался грозный, тяжелый грохот — заговорили пушки. Артобстрел нарастал.

— Ага,— сказал Аушев,— значит, царандой запросил помощи. И правильно сделал.

Солдаты готовились к отбою. Один из них принес на террасу ведро с водой — приказ Аушева.

— Спокойной ночи,— сказал вдруг солдат по-граждански.

— Спокойной ночи,— ответили мы в паузе между выстрелами.

Аушев стянул с себя тельняшку и простирнул в ведре, принесенном солдатом. Развесил на террасе. Перед сном показал фотографию — его жена, дочь и он сам. Майор был в гражданском костюме — на пиджаке сияла «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

Я не знал и этого! Не знал и не почувствовал. Майор был скромен и прост. Он как бы и не догадывался о собственном героизме.

Эту награду Руслан Аушев получил за жестокий, трудный бой, навязанный ему на той самой дороге, по которой мы ехали. Дороге, по которой нам предстояло возвращаться. Потом в военной биографии Руслана было еще много других боев. Но после вручения Звезды Героя Центральный музей Вооруженных Сил СССР попросил молодого офицера поделиться афганскими экспонатами. Руслан подумал. Подумал и предложил. Предложил патрон — тот умный патрон, который когда-то не сработал, не выстрелил, не оборвал его жизнь.

Ночь шла к рассвету.

Я встретил восход на плацу. Стрельба утихла. Стояла великая горная тишина. Безмолвствовали часовые. Напротив меня стоял худой двадцатилетний парень. Из своей прошлой жизни он взял сюда многое.

Но что от этого осталось?

Что пригодилось?

Я понял: худшее, что родители могут сделать для своих сыновей,— это сделать их жизнь беззаботной и легкой. Оградить от трудностей и сложностей.

Я чуть ли не репетировал слова, которые — если вернусь! — хотел сказать своим друзьям, отцам сыновей. Испокон веков, хотел сказать я, мужчина должен был уметь защищать свой дом и свое дело. Это было его главной, высшей обязанностью. Изменился ли мир с тех пор? Стало ли меньше опасностей?

Мир изменился — опасностей стало больше. И граница войны и мира, границы борьбы уже не всегда совпадают с государственными границами. А потому стране и времени нужны смелые, решительные, сильные люди. Люди, способные менять, улучшать и защищать жизнь.

МАРШ-БРОСОК

Он достал затертую, пропыленную карту, разложил ее перед собой и подумал: приказ, полученный из штаба, невыполним.

В командирской палатке стояли густые синие сумерки. Линии на карте выглядели едва различимой паутиной. Полковник повертел в руках карманный фонарик, который, впрочем, никогда не зажигался ночью, а зажигался только днем, и сказал адъютанту, молодому пуштуну:

— Нужен свет.

Пуштун взял фонарик и ударил о деревянный ящик из-под снарядов. Фонарик тут же зажегся.

«Вот что значит молодость»,— невесело усмехнулся полковник, которому шел тридцать шестой год.

Установив свет как надо, он склонился над картой.

В Хост можно было пройти разными путями. В последний раз полковник водил туда своих солдат через западные перевалы. На дорогу ушло десять суток. Это было рекордное время. А теперь им предстояло добраться до Хоста за пóлтора суток. Таков был приказ! Добираться нужно было, конечно, пешком — в горах техника бессильна. Плюс полная выкладка.

В районе Хоста — полковник уже слышал об этом — ожидались тяжелые бои. Да, собственно говоря, они там и не прекращались. Хост постоянно притягивал врага — не случайно: вокруг его «уступа», по другую сторону границы, гнездились десятки мелких и крупных бандитских формирований, лагерей и учебных пунктов. Заокеанские инструкторы готовили душманов-зенитчиков, минеров, специалистов по поражению низколетящих целей.

Эта сила, пока в разных «дозировках», постоянно терроризировала зону племен. Военные операции сменялись экономической блокадой. Попытки афганской армии раз и навсегда обезопасить место проживания племен тани, алишер и матун не приводили к успеху. К тому времени, когда полковник Ибрагим получил приказ двигаться со своим полком к Хостскому округу, положение там было прямо-таки критическое. По существу, все господствующие высоты были захвачены «духами». Тяжелые пулеметы поливали свинцом дороги, тропы, дома и долины. Вовсю действовали переносные зенитно-ракетные комплексы. Аэродром постоянно обстреливали из 76-миллиметровых орудий. Его пришлось закрыть.

Под огневым зонтиком враги спешно создавали склады оружия и боеприпасов — «духи» готовились к решающему, самому мощному своему наступлению...

Готовились и части Афганской народной армии.

Срочная переброска еще одного полка в Хост — элемент этой подготовки. Но как выполнить приказ? Как добраться до Хоста за полтора суток?

Полковник Ибрагим свернул карту, погасил фонарик и вышел из палатки. Ночь была ясной и прохладной. Солдаты спали. Издалека доносился гул канонады.

Приказ есть приказ, подумал полковник. «Выйдем через час. Таким образом, прихватим остаток этой ночи. И тогда будут еще полный день и полная ночь. И еще один день — должны вполне уложиться».

На кабульской улице

Строители новых жилых кварталов

Мечеть, обстрелянная душманами

В знойный час в отдаленном горном кишлаке

Последние известия

Завод азотных удобрений в Мазари-Шарифе построен при техническом содействии Советского Союза

Дорожный мотив

В военном лицее преподают закаленные в боях командиры

Оружие, захваченное у душманов

На артиллерийской позиции идет напряженная работа

Атакуют мотострелки — опорный пункт противника должен быть уничтожен...

Генеральный секретарь НДПА товарищ Наджиб вручает советским воинам, покидающим Афганистан, памятное знамя

Старейшины из близлежащих кишлаков провожают советских танкистов

Цветы советским воинам

Приняв решение, полковник вернулся в палатку и сказал адъютанту:

— Вызови начальника штаба.

...Когда они покидали лагерь, в небе сияли звезды. Ни один луч рассвета еще не коснулся вершин Гиндукуша. Полковник Мухамад Ибрагим шел навстречу тяжелым боям, тяжелому ранению и тяжелой потере...

* * *

Он родился в Кандагаре, в семье крестьянина. В их роду не было ни одного военного. Он — первый.

В дни трудных испытаний — вроде вот этого марша — он говорил себе: я сделал выбор сам. Роптать не на кого.

До Апрельской революции Мухамад Ибрагим служил командиром взвода, затем командовал разведротой. Он был хорошим, исполнительным офицером. Он свято чтил армейский устав, армейские порядки. Понятие воинского долга было для него превыше всего. Однако в сознании молодого офицера оно никогда не выходило за рамки конкретных задач, поставленных старшими по званию.

Теперь — другое дело. Мухамад Ибрагим по-прежнему оставался истинным патриотом армии. Но свой долг он осознавал уже не только перед Уставом вооруженных сил, а перед Революцией. Перед народом, ради которого она свершилась. Конечно, это не было внезапным, ничем не подготовленным озарением. Новому сознанию помогали разительные перемены, которые происходили в стране на его глазах.

Он принял Революцию без колебаний, второй лейтенант[1] Мухамад Ибрагим сразу же присоединился к прогрессивно настроенному офицерству. Вскоре он был переведен из провинции Пактия, где командовал разведротой,— начальником штаба танкового батальона. В этой должности Мухамад Ибрагим находился целых два года — время для революционного Афганистана немалое.

Следующие шаги были просто-таки стремительны: командир батальона, начальник оперативного отдела дивизии и, наконец, командир бригады.

На какие бы посты ни выдвигали Мухамада Ибрагима, он никогда не упускал возможности быть рядом с солдатами. Он и до революции не принимал традиций, при которых офицера и солдата разделяла непреодолимая стена высокомерного отчуждения.

---

[1] Звание, соответствующее в Советской Армии званию лейтенанта.

Полковник всегда находился в солдатской гуще — в бою, на привале и на марше.

...Они карабкались по крутым каменным склонам. Рассвет нарастал неотвратимо. Маскировавшая их темнота рассеивалась, ветер становился холоднее и завывал в каменных расщелинах, как высоко летящие снаряды.

Пока все шло нормально, полковник старался находиться как бы в тени. Он контролировал ход марша со стороны. Полковник хорошо знал, что его личный, командирский пример понадобится солдатам чуть-чуть попозже. А именно к концу дня. Точнее, второй ночи. Когда силы людей будут на исходе. Когда каждое движение будет даваться с огромным трудом. Когда каждый шаг будет подвигом. Вот тогда командир и выйдет из тени. Выйдет и возглавит марш-бросок. Возглавит не просто как командир, а как солдат-командир. Как человек, находящийся в равном положении с каждым, кто двигался по этим узким ущельям и диким расщелинам.

Никто из солдат не знал конечной точки пути. Никто не знал, почему им не разрешают привалов. Никто не знал, сколько времени потребуется для того, чтобы оказаться, наконец, там, где их ждут.

В полночь полковнику доложили, что два солдата сорвались с каменного уступа. Один из них сломал ногу, другой получил сильные ушибы.

Еще через час доложили: подвернул ногу офицер связи. К утру крепко побились еще пятеро солдат. Силы людей таяли. Силы уменьшались с каждым метром и каждой минутой.

Младшие офицеры настаивали на привале.

— Нет,— качал головой Мухамад Ибрагим.— Нет.

— Десять минут,— убеждали его.— Хотя бы десять минут.

— Нет,— отвечал он, продвигаясь вместе со всеми вперед.

Полковник был непреклонен не потому, что упрям. Он знал: внезапная остановка, отдых размагнитят людей, лишат их последних сил.

Двигаться было необходимо. Двигаться, идти, карабкаться, преодолевать — только это имело значение. Все другое было второстепенным. «Только вперед»,— говорил полковник офицерам. «Только к Хосту»,— повторял он про себя.

Солдаты валились с ног, но марш продолжался.

Полковник знал: к району боев двинутся и другие полки. Двинутся разными путями. Понимал, один из полков может опередить другой, а какой-то может застрять вообще: мины,

засады и обстрелы — препятствие серьезное. Но чтобы застрявшим оказался его полк — этого он себе не представлял.

Темп был главной его заботой.

Темп!

Теперь, когда пришло критическое время, командир полка вышел из тени. Он возглавил первую колонну. Все видели: полковник несокрушим. Он карабкался вверх, пробирался по каменным узким террасам, шагал вдоль быстрых гремящих речек. Оглядываясь, он видел: солдаты, как и он, тоже пробирались по каменным террасам и шагали вдоль быстрых речек. «Пример — большое дело»,— думал полковник. Он ценил способность умно, грамотно распределять свои силы. Знал: если обстоятельства не требуют от человека силы, сила — ничто. Когда она нужна? Только когда трудно. А как она тратится человеком? Постоянно. То есть чаще всего впустую.

Но полковник не философствовал. Он постигал это на полях боев в провинциях Шинвар, Пактия, Логар, Газни. И в часы трудных, изнурительных маршей — когда правильное распределение сил приближало к победе, а неправильное — к смерти.

То есть как теперь.

Они проводили день и встретили ночь. Вторую ночь. «Вперед, вперед! — повторял полковник.— Еще немного — и мы у цели!»

Он не обманывал солдат: большая часть пути осталась позади. Он уже не сомневался: приказ будет выполнен. Его беспокоило другое: боевая обстановка в Хосте. Если она терпима — солдатам дадут отдых. Нет — в бой придется вступать с ходу. А какие из них сейчас бойцы?

Иногда от жалости у комполка разрывалось сердце. «Ну что бы ему сейчас не спать в тишине? — думал он, глядя на какого-нибудь щупленького, молодого солдата.— Рядом с родными, в тепле, в уюте?» «Проклятая, жестокая, необъявленная война,— злился он.— И конца ей не видно».

У полковника большая семья.

Его старший сын Мухамад Исмаил, ученик 11-го класса, тоже уже взял в руки оружие — вступил в отряд самообороны. Четверо младших детей и жена находились в относительной безопасности. Но о какой безопасности можно было говорить, если смерть постоянно угрожала ему — отцу семейства? Разве пуля душмана, выпущенная в него, не свистела и над их головами?

Три года назад он был ранен в первый раз. Ничего не

сказал ни жене, ни детям. Отлежался в госпитале, а затем как ни в чем не бывало вернулся в полк. «Теперь я настоящий военный»,— думал он тогда.

Второй раз ранило сильнее: пуля сбила его с брони БТР. Лечение затянулось. Выйдя из госпиталя, он сообщил домой, что был на маневрах.

Когда его ранило в третий раз, он уже не скрывал этого. И хотя ранение было опять же довольно легким, госпиталя миновать не удалось. Шрам остался. «Я — фронтовик»,— говорил он себе теперь. И был прав.

Потом был бой в провинции Газни. Тяжелые осколки снаряда прошли, слава аллаху, рядом с виском, а два маленьких ударили возле самого глаза, и он потерял сознание. Придя в себя, увидел, что руки его в крови, куртка в крови и даже на брюках — кровь.

Опять было лечение. Опять остались шрамы.

— Давайте, ребята! — подбадривал солдат полковник.— Здесь надо поднажать, в ущелье, по донесениям,— снайперы.

Младшие офицеры передали по цепочке:

— Шаг ускорить, возможны снайперы.

Ранения научили полковника многому. Каждое прибавляло опыта. Опыт худшего в жизни, в жизни военного тем более, всегда полезней опыта удач.

Вдруг полковник увидел: два солдата — один совсем мальчишка — повалились на плоский камень и заплакали.

— Встать! Шагом марш! — закричал лейтенант, видя, что полковник смотрит на упавших.

— Устав — не помощник,— сказал полковник.— Тут не только шагом марш, тут и на карачках трудно...

Младший офицер растерялся.

Полковник Ибрагим подошел к обессилевшим солдатам, присел на корточки и тихо сказал:

— Я тоже устал. Но идти надо. Нас очень ждут.

Солдаты не двинулись.

«В регулярной армии такое невозможно,— подумал полковник.— Но мы только создаем свою армию. Армию народной власти. Все приходится делать на ходу — и учиться и воевать. Откуда у вчерашних крестьян солдатский опыт?»

Он тронул старшего за плечо:

— Вставай. И подними друга.

Солдаты уставились на командира.

— Ну,— подбодрил,— пошли...

В следующий раз, уже другим обессилевшим солдатам, полковник сказал:

— Нас ждут беззащитные люди... Целый уезд. Душманы бьют по кишлакам. Бьют прямой наводкой... Им никто не мешает. Так будет, пока мы не подойдем...

— Посмотрите на своих друзей,— обратился он к двум пулеметчикам, отставшим от отряда.— Они же идут... Мы все идем. А не сможем — будем ползти...

«Мы почти у цели»,— подбадривал сам себя комполка.

«Каждый, кто переживет такой марш, переживет и бой»,— думал он.

Они преодолевали километр за километром. Подъем — за подъемом. Долину — за долиной. Выносливость людей казалась безграничной. Кто-то ломался, кого-то приходилось подбадривать, кому-то помогать, но основная масса солдат все же выглядела несокрушимой. Это и была главная сила полка. На нее и могли рассчитывать те, кто ждал полк в Хосте. На нее и могла рассчитывать новая, народная армия.

— Уже недалеко,— сказал солдатам полковник.

— Уже рядом,— сказал он спустя два часа.

«Я должен быть бодрее всех,— говорил он себе, переставляя одеревеневшие ноги.— Такой марш и для меня — школа. А может, и главный экзамен».

...И когда они поднялись на последний перевал, увидели серую долину, коричневые каньоны и услышали гул канонады, полковник Ибрагим понял: экзамен сдан.

— Мы — в Хосте! — сказал он офицерам.

— Мы — в Хосте! — сказали офицеры солдатам.

— Мы — в Хосте! — передали по цепочке друг другу солдаты — до самого конца колонны...

Полковник был счастлив: путь, который он смог преодолеть когда-то за 10 дней, теперь был преодолен за 37 часов.

— Я знал, рафик Ибрагим, ты не подведешь,— обратился к нему командующий войсками в Хосте.— Благодарю тебя. И помни: ты выручил не просто меня, ты выручил Революцию...

Бои, в которых участвовал и полк Ибрагима, шли уже почти две недели, а самую укрепленную высоту «духов» — Торегаре — взять не удавалось.

Наконец было предпринято генеральное наступление. В тот день на командном пункте в своем секторе боя полковник Ибрагим был не один: в руководстве боем ему помогал давний друг — советский офицер Хачатурян.

Бой велся по всему фронту. Земля была в огне. Небо — в дыму. Ревущим «Анам» помогали вертолеты огневой поддержки.

Полковнику Ибрагиму доложили:

— Убит лейтенант Гарзай.

Через несколько минут доложили о гибели его лучшего комвзвода лейтенанта Эхсана.

Цена Хоста возрастала.

— Еще одно усилие,— сказал Ибрагиму Хачатурян,— и...

Слова советского друга заглушил свист реактивного снаряда. В следующую секунду раздался оглушительный взрыв.

Снаряд попал в наблюдательный пункт.

Последнее, что увидел в тот день полковник Ибрагим, уже никогда не изгладится из его памяти: окровавленный, мгновенно убитый Хачатурян, брошенный на плоские камни, и тяжелые, близкие трассирующие цепи пуль, повисшие над гремящей, пылающей долиной... Осколок снаряда, которым был убит Хачатурян, задел и полковника.

Очнулся он только в госпитале.

Освобождение Хоста от контрреволюционной нечисти стало самой крупной операцией Народной афганской армии. Полк Ибрагима был лишь малой частицей сил, которые участвовали в разгроме банд. Но и он приблизил победу.

Марш-бросок через Гиндукуш, который провел полковник Ибрагим, тоже был обычным, незаметным эпизодом в многолетней необъявленной войне. Но и он — подобно тысячам других маршей, других эпизодов — укреплял, «строил» и создавал новую, народную армию. Армию, способную защищать Революцию. Армию, способную стоять на защите своего народа и его свободы.

Полковник Мухамад Ибрагим вновь в строю. Его вылечили, подняли на ноги. Но осколок снаряда, как грозную память о том сражении, он еще долго будет носить с собой: во время операции удалить его не смогли.

Полковник не отчаивается.

— Революции,— смеется он белозубой улыбкой,— нужны железные люди. Так что железо сейчас мне только на пользу...

БОЙ ЗА МОСТ ЗУРМАТ

К тому моменту, когда он залег в расщелине между двумя теплыми камнями и приготовился наблюдать за единственной дорогой, ведущей на мост Зурмат, у него за плечами было уже два трудных боя в районе Гардеса и в провинции Кунар. Даже одного из тех боев было бы вполне достаточно, чтобы вспоминать о них всю жизнь, если уж она не оборвалась, как у многих других, но теперь ему предстоял еще и третий бой, и он готовился к нему, пристраивая оружие к гладким камням долины.

Был полдень, над близкой рекой летали бабочки.

Бетонный мост, по которому должен был пройти их полк, контролировался огнем душманов. Вначале они не знали об этом — разведка не обнаружила врага, сам этот район был спокойным, граница, проходящая южнее моста, уже как будто была закрыта на замок. Но стоило первым бойцам приблизиться к северному берегу реки, как враги открыли внезапный огонь. Командир полка тут же остановил марш-бросок и приказал занять боевые позиции. Фезмохаммед Фазил Ахмед командовал минометным взводом: он приготовился к бою.

Душманы также замерли по ту сторону моста и никак не проявляли себя после первых выстрелов.

Фазил лежал в тесной расщелине между камнями и смотрел на дальний берег реки. С северной стороны моста, где стояли дома, покинутые жителями, уставшими от набегов из-за близкой границы, росла пшеница, а по ту сторону моста, где был враг, темнел густой кустарник, переходящий в рощу. Выше рощи начинались предгорья Гиндукуша, покрытые зелеными прочными деревьями, а еще выше были серые ущелья, в которых никогда ничего не росло. За спиной душманов, таким образом, был неограниченный простор для отступления. Их действиям нельзя было серьезно помешать — оставалось лишь атаковать и преследовать, теснить выше, до самых вершин хребта. «Но и там их не достанешь,— думал Фазил,— брать надо здесь, рядом с мостом, не дальше».

Когда начался внезапный бой, вернее, подавление врага огнем, с той стороны реки не последовало ответа. Это удивило Фазила. Он приказал своим бойцам повторить залп. Ответа не последовало снова.

Фазил с еще большим удивлением уставился на кустарник и рощу, над которой оседала сухая каменная пыль после разрывов. Нет, в их сторону никто не стрелял.

«Ну вот мы и расчистили путь, мост свободен»,— с простодушием крестьянина подумал Фазил, хотя в военном деле уже не был новичком и за восемь месяцев службы в народных вооруженных силах успел стать командиром взвода и с честью выдержал два по-настоящему трудных боя.

— На мост! — скомандовал он и первым поднялся из-за камней.

В тот же миг мимо него засвистели пули душманов и несколько минометов вступили в бой. Стрельба оглушила его, но он не остановился. Он подхватил автомат и, перепрыгивая через трещины и валуны, побежал к мосту Зурмат.

Командир полка наверняка увидел солдата, бегущего к открытому, голому мосту, и, потеряв надежду вернуть его криком, заглушаемым пулеметной стрельбой, приказал организовать прикрытие безрассудного смельчака сильнейшим, надежным огнем. В те же мгновения заговорили еще несколько автоматов и огнеметов. Фазил выскочил на мост и, петляя, побежал по его гулкому нагретому бетону.

Когда добежал до середины 30-метрового полотна, над его головой уже была свинцовая дуга прикрытия, невидимая в солнечном свете. Он ощущал ее всем своим существом. Оглянувшись, увидел, что за ним поднялись еще десять — пятнадцать солдат с автоматами, и подумал, что это и есть настоящая атака и возглавляет ее он, Фазил.

Когда 30 метров моста кончились и он влетел в высокую мягкую траву, стало ясно, что петлять уже не надо — в него не стреляли! Стреляли сзади, свои, а душманы, наверняка не выдержав минометных ударов, бросились к ущельям.

— Вперед, вперед! — прокричал Фазил бежавшим за ним солдатам, и в тот же момент позади него раздались несколько гранатных взрывов: душманы опять издевались над его наивностью, а он, увидев раненых товарищей, пригнулся и выпустил долгую горячую очередь по кустарнику, к которому бежал по-прежнему впереди всех.

Сзади снова раздались взрывы, но не так близко и не очень их можно было разобрать в треске усиливающейся стрельбы, но он понял, что по мосту, на котором уже было много солдат, велся огонь с флангов, а те, кто бил по нему в упор, наверняка уже дрогнули и убегают, стараясь углубиться в рощу и каменные завалы предгорья.

Он продолжал бежать и совершенно неожиданно для себя оказался один. Осознав это, задохнулся от мальчишеского азарта. Остановился и перевел дух. Да, бой шел по-

зади, метров за 100—150 от него, за деревьями, а здесь было спокойно и безлюдно. Он переложил автомат из правой руки в левую, вытер ладонью пот на лице, оглянулся. В следующее мгновение он подумал, как непозволительно беспечен, и вернул автомат в правую руку. В это же самое время Фазил увидел дуло винтовки, направленное на него из-за высокого коричневого камня со сбитой верхушкой. Он мгновенно, не целясь, дал очередь по засаде. Каменная крошка белыми струями брызнула в разные стороны, и камень как бы задымился. Фазил в прыжке преодолел расстояние до камня, увидел брошенную душманом винтовку и услышал треск сучьев. Фазил схватил винтовку и тут же спрятался за камень, который только что служил укрытием душману. Сердце его громко стучало, но он не испытывал страха, а испытывал азарт.

Он снова услышал треск сучьев и дальние звуки боя на левом и правом флангах и бросился вперед, перебегая от камня к камню, поднимаясь в горы. Он напролом преследовал врага, рвался вверх и стрелял. Он вдруг подумал, что те, кто сейчас отступает,— трусливые, напуганные огнем минометов люди и что они не знают, что он здесь один, а остальные солдаты находятся не здесь, не преследуют их по пятам, а разворачивают боевые действия на берегу реки, стараясь обезвредить фланги душманов. Ведь враги наверняка видели, сколько солдат бежало за ним по мосту, а сейчас слышали огонь и вполне могли подумать, что вся эта масса солдат движется на них, поднимается от реки вверх. Те же из душманов, кто вел сейчас бой на флангах, конечно, не думали о тех, кто отступал в центре — отступал под атакой одного лишь солдата, одного только Фезмохаммеда Фазила Ахмеда, сына правоверных мусульман, двадцатитрехлетнего крестьянина, взявшего в руки оружие, чтобы защитить Революцию.

Он снова начал палить из автомата и кричать дикие угрозы в адрес душманов-наемников и пошел напролом, словно снова находился на голом месте, на бетоне моста, так быстро продвигался вперед, но здесь было больше защиты, здесь были прочные камни и надежные крепкие стволы. Он атаковал!

Преодолев около тридцати метров, заметил серые тени. Их было немало, к тому же они словно были размыты — от бега и зелени. Он прислонился к сухому стволу, сдержал дыхание и опустил автомат. Вот тот случай, подумал он, когда нужно бросать гранату — сначала гранату, а затем бить из автомата. Он сорвал с пояса одну из трех гранат,

рванул кольцо и швырнул гранату в сторону теней что было силы и в то же мгновение нырнул за камень. Сухой грохот взрыва, какой бывает только в горах, потряс все вокруг. За звуковой волной полетели осколки камней. Он услышал вой и стал поливать из автомата. Затем он выскочил из-за камня и, не прекращая стрельбы, побежал к тому месту, где взорвалась граната, совершенно опьяненный собственной безумной атакой, начатой им еще за рекой, всего лишь две минуты назад, а теперь казавшейся такой долгой, словно и река, и первый рывок были в другом временно́м измерении, где и он сам был совершенно другим, не ведающим, что может.

Он наткнулся на одного мертвого душмана, на второго. Оба лежали лицами вверх, и оба были убиты наповал. Рядом валялись их винтовки, а чуть поодаль лежали еще пять. Фазил сгреб их в одну кучу, приклад к прикладу, и, радуясь удаче, пересчитал винтовки один раз, а затем — для верности — второй раз. Это действительно было невероятным — захватить такие трофеи! Та одна — первая, и теперь целых семь, а всего восемь знаменитых английских винтовок «303», из которых душманы ухитрялись бить по цели с расстояния в 1800 метров!

Что делать?

Как быть: преследовать банду и дальше? Или остановиться? Позаботиться о трофеях?

«Если я брошу винтовки здесь,— рассуждал Фазил,— и продолжу преследование душманов, то может случиться всякое. И, кроме того, неизвестно еще, как повернется бой внизу. Мне, наверное, лучше бежать сейчас с этими винтовками вниз, к мосту, а там попросить у командира подмоги и начать преследование душманов снова, но уже до конца. Теперь,— распалялся Фазил,— мне точно известно направление, а кроме того,— не без гордости подумал он,— известно, как много можно сделать и малыми силами. Вот мне и нужно будет не больше трех человек».

Он обвешался винтовками и тронулся вниз, на шум выстрелов. Сгибаясь под тяжестью оружия, Фазил обходил огромные валуны, иногда останавливался и прислушивался к бою и к тому, что делалось у него за спиной, но ничего подозрительного обнаружить не мог. За спиной не было ни звука.

Через пятнадцать минут Фазил вышел из рощи, миновал полосу высокого густого кустарника и увидел две свои минометные точки по обе стороны пролета и сам мост, над которым стлался сизый прозрачный дым.

Он снял куртку, нацепил ее на ствол винтовки и поднял высоко над головой — пусть видят, что идет свой, возвращается Фазил, а эта куртка — его знамя.

Первым Фазила заметил полковник. Он тут же послал ему навстречу двух ребят, а двум другим поручил прикрывать их огнем, пока переберутся через мост.

Конечно, полковник не сразу понял, в чем дело: Фазила он узнал, но откуда у того столько винтовок? Где он их взял?

Фазил между тем поблагодарил солдат, которые его встретили на другом конце моста, сказал: «Следите за кустами» — и перебежал полотно, оставив при себе все винтовки. Конечно, это было мальчишеством, но понять его гордость и радость было нетрудно: он ведь не нашел на дороге эти винтовки. Он их захватил в бою! Да, к полковнику приближался победитель: это было видно по глазам, по гордой улыбке, даже красивые гусарские усы говорили об этом, а может быть, они-то об этом и говорили больше всего!

Когда он сгрузил винтовки на траву и утер пот, полковник положил ему обе руки на плечи.

— Таких трофеев,— сказал он,— никто из нас в одиночку еще не брал.

— Да,— кивнул Фазил,— на мое счастье, удалось взять.

— Но самое главное, что ты при этом цел и невредим.

— И даже не исцарапан,— просиял Фазил.

— Уберите винтовки,— приказал полковник солдатам.— Я думаю,— проговорил он, взглянув на правый фланг, где еще раздавались выстрелы,— что мы хорошо измотали и потрепали группировку. Скоро продолжим путь.

— Мне кажется,— сказал Фазил,— я должен снова вернуться в рощу. Но теперь уже не один.

— Зачем? — спросил полковник.— Ты думаешь, там еще кто-нибудь есть? Они без оружия не вернутся.

— Мне кажется, их там много. Они ушли высоко вверх, но мы постараемся их загнать еще выше, где один лед и камни. И может быть, отобьем еще несколько винтовок.

— Хорошо,— проговорил полковник, подумав о том, что мост Зурмат требует того, чтобы вокруг него все было очищено от душманов.— Хорошо. Но только тогда надо идти сейчас же: стоит врагу дать хотя бы небольшую передышку, как силы станут неравными, враг ведь находится в засаде, а вы на его мушке.

— Будем внимательны,— сказал Фазил.— А силы и так неравные: мы сильней.

— Идите,— улыбнулся полковник.— Бери троих солдат, и идите. Жду возвращения. А мы пошумим на флангах.

Фазил и трое солдат направились к мосту. Подойдя к его бетонному пролету, они перегруппировались, пригнулись и бросились вперед. Каждый бежал петляя, держась друг от друга на расстоянии двух-трех метров. Фазил первым преодолел тридцать метров и влетел в густой, уже знакомый кустарник. Солдаты тоже не очень-то отстали — через несколько секунд их тяжелое дыхание уже раздавалось рядом с Фазилом.

— Теперь,— перевел дух Фазил,— цепочкой за мной. Смотрите по сторонам. А вперед буду смотреть я.

На этот раз подъем вверх показался Фазилу намного труднее, чем совсем недавно, когда он преодолевал эти камни, расщелины и сбитые ветром ветки легко, незаметно, словно их и не было на пути. Но скорость броска все же была большой, и вскоре они добрались до того места, где на земле остались лежать два убитых душмана. Вот оно, это место: два серо-зеленых валуна, три дерева и окровавленная, смятая трава. Но убитых на траве не было. Не было! Они исчезли.

— Как же так? — проговорил удивленный Фазил.— Ведь я отсутствовал всего несколько минут. А трупы исчезли.

Он вспомнил, как один его товарищ, вертолетчик, рассказывал подобную историю. Пролетая над горными тропами в самых глухих местах, он несколько раз замечал вооруженных душманов и обстреливал их. Дважды удалось уничтожить врагов, причем в очень удаленных друг от друга местах.

— Я своими глазами видел,— рассказывал вертолетчик,— как они падали замертво на тропу, один раз двое, в другой раз трое, и вокруг при этом не было ни души, ведь тропы с высоты хорошо просматриваются. Но стоило мне сделать новый круг, развернуться, так сказать, для верности, как убитые исчезали бесследно — на тропе не оказывалось ни трупов, ни их оружия.

«Что ж,— решил Фазил,— значит, такие они завели порядки. А скорее всего винтовки им жалко! Но мы-то не на вертолете, мы на земле, а враг рядом. Совсем рядом!»

— Все — за камни! — приглушенно скомандовал он и почувствовал сильное, непривычное сердцебиение.— Приготовиться к бою!

Прошла долгая минута, но никто не нарушил тишины. Лишь снизу доносилась редкая стрельба, а наверху шумели

листья и где-то в ущелье гремела падающая с большой высоты вода.

Нет, видимо, в военном деле ничего более сложного, чем бой в горах. Камень вполне может выглядеть как человек, а хорошо замаскировавшийся человек может выглядеть как настоящий камень. Шум воды, гул и завывание ветра в ущельях, осыпи гальки под ногами диких коз — все здесь заглушает, затушевывает, смазывает звуки врага, и ты не знаешь, откуда он к тебе подбирается. Конечно, есть люди, которые умеют распознавать и самые слабые звуки, вызываемые в горах передвижением человека, а кроме того, они обладают еще и натренированным, зорким взглядом: даже в самых густых зарослях, даже в сложнейшей сети расщелин такой человек видит оружейный прицел, безошибочно определяет расстояние до него и в следующее мгновение, как правило, бьет, так как тот, кто находится в засаде, тоже прекрасно видит и чувствует момент, в который оказывается обнаруженным. Теперь уже решает скорость стрельбы, быстрота реакции — ты первый или он первый. Но и через некоторое время после перестрелки ты еще не можешь быть уверенным в том, что враг обезврежен — это ведь не на гладком поле, не в долине, где все как на ладони. Нет, в горах и до выстрела, и после выстрела нельзя быть беспечным. И после боя ты должен находиться в полной, неослабевающей готовности повторить сражение, принять новый бой.

Фазил прислушался к шуму воды, ветру в ветках и подумал, как он был прав, когда в первый раз, в первую атаку, шел напролом, без остановки, не давая врагу занять оборону, осмотреться, устроить засаду, расстрелять его из-за укрытия, пока он прыгал через камни.

Но теперь, когда они заняли оборону, а бой внизу, у реки, явно стихал, рассчитывать на обман, на внезапность и напор, поддерживаемый якобы крупными силами снизу, не приходилось. Душманы наверняка пришли в себя, осмотрелись. Они, безусловно, находились рядом и, самое главное, знали, видели, что им противостоят лишь четыре солдата, больше за ними никого нет, никто сюда не пробирается.

А сколько вокруг было душманов, Фазил, конечно, не знал.

Начиналось сражение нервов: кто не выдержит первым.

Первым не выдержал один из солдат Фазила.

Солдату показалось, что кто-то шагнул в его сторону из кустов, раскачиваемых ветром. Стреляя, он поднялся из-за камней и бросился к кустам. Пули завизжали со всех сто-

рон, и Фазил увидел, как солдат покачнулся и, раненный в грудь, упал на траву. Двое других солдат тоже открыли огонь, и понять, кто больше стрелял — враги или свои, Фазил не мог.

В следующее мгновение он увидел двух душманов: упираясь ногами в оголенные, нависшие над расщелиной корни деревьев, они старательно целились в сторону солдат. Фазил мгновенно выпустил длинную автоматную очередь. Душманы исчезли, но ранил их Фазил или убил, понять было нельзя: душманы свалились с корней и упали за камни.

Теперь таиться уже было не к чему, и Фазил приказал палить по расщелинам и кустарникам, пользуясь преимуществом автоматов перед винтовками, и огонь тут же принес результат: в кустарнике кто-то был ранен, и, судя по стонам, не один. «Попались! — мелькнуло в голове Фазила.— Попались, теперь вы от нас никуда не уйдете».

Пулеметные очереди резали рощу и кустарник на трех разных уровнях, а затем Фазил снова дал несколько очередей по тому месту, где недавно маячили двое.

Но там было безлюдно, и он перевел огонь на кустарник, вдоль узкой поляны и чуть выше — где камни и деревья образовали сумрачный коридор.

«Как же нам утащить в укрытие нашего товарища? — думал Фазил, глядя на неподвижно лежащего солдата, упавшего после ранения под прикрытие камней.— Как подтянуть поближе?»

Шум в кустарнике смолк, и Фазил, не раздумывая, бросился к раненому. Один из солдат последовал его примеру, подбежал к раненому, и они моментально перетянули парня по траве в свое укрытие. Обошлось!

Парень стонал, его светло-коричневая суконная куртка была в крови, глаза он не открывал.

— Душманы попятились еще выше,— проговорил Фазил.— А дальше, кроме льда и камней, ничего нет. Надо проверить кустарник и рощу,— добавил он.

Через несколько секунд он обратился к солдатам:

— Прикрывайте меня. Я пошел.

Он не пошел, а пополз, ползком обогнул каменную гряду, добрался до ее северного конца, выставил автомат, но никто на приманку не клюнул. Тогда он поднялся с земли и, сделав несколько крупных шагов, прижался к стволу дерева. Тихо. Он перешел к другому дереву. Тихо. Он осмотрелся и добрался до нового ствола. Тихо. Он постучал по стволу автоматным дулом — тихо! Им овладел недавний

азарт, который он испытал, атакуя душманов, и он обрадовался этому чувству: стало легко, напряжение ушло.

Внезапно он увидел неправдоподобную картину: мертвый душман лежал на винтовках, а их стволы — четыре ствола! — были направлены в сторону Фазила. «Что же это такое? — подумал пораженный Фазил.— Не успели унести? Может быть, мы налетели на целый склад? Ведь это уже двенадцать добытых мною сегодня винтовок?!»

«Ладно,— приказал он себе,— потом будем размышлять».

Он подошел к душману, схватил винтовки за прижатые друг к другу дула и с помощью образовавшегося рычага сбросил убитого на траву. Душман действительно был мертв — не ранен, а мертв.

Внезапно Фазил услышал отчаянную автоматную стрельбу — били его ребята. Он поднял глаза: с двух сторон — справа и слева — на него наступали душманы, двое справа, четверо слева. И вот, словно не ведая, что творит, он, вместо того чтобы отстреливаться или бежать к деревьям, стал опускаться на колени, рядом с винтовками и убитым душманом, стал склоняться ниже и ниже, парализуя внимание душманов, хотя те и продолжали неотступно приближаться к нему, готовые в любую секунду броситься на него с двух сторон, броситься и уничтожить его. Они приближались к нему, не зная того, что уже знал Фазил, шли, уверенные в его обреченности, а он знал, что сделает в следующий миг, и знал, что ожидает врагов.

Внезапно Фазил согнулся еще больше и обеими руками одновременно сорвал с пояса две оставшиеся от первой атаки гранаты — одну правой рукой, другую — левой, поднес их к лицу, рванул зубами кольцо левой гранаты, затем кольцо правой и, подавшись вперед, что есть силы швырнул гранаты в обе группы врагов, стараясь свалиться после броска за выщербленный невысокий камень. Раздался один слитный, оглушительный взрыв, животный вой и свист осколков. Тяжелый камень ударил Фазила по правому плечу, по голове, мелкие упали на спину. Почти ничего не видя в пыли, он направил дуло автомата перед собой и начал палить в пыль — сначала в правую сторону, затем в левую, потом снова в правую. Какая-то сила оторвала его от земли, он вскочил на ноги, бросился к винтовкам, стал перетаскивать их за камни, но сила иссякла так же внезапно, как и возникла, и он почувствовал вдруг головокружение, тошноту и невероятную слабость, такую, что даже не в состоянии был удержать свой автомат. «Меня, наверное, кон-

тузило,— подумал он словно в необоримом сне,— а может, и конец...»

Он почувствовал, как сильные руки подхватили его, забрали винтовки и понесли над травой, а он ничего не мог сделать. Он не распоряжался больше своим телом, оно было чужим.

...Вода реки у моста Зурмат привела его в чувство. Он открыл глаза: перед ним сидели солдаты и полковник. Полковник смотрел на него и что-то тихо говорил.

Когда к Фазилу вернулась способность воспринимать слова, их смысл, он услышал:

— Этого в нашем полку еще не было... Да, Фазил, сегодня после марш-броска о твоих трофеях узнает вся дивизия. Двенадцать винтовок! Уверен, что во всей дивизии такого случая не было.

— Что со мной? — спросил Фазил, стирая ледяную воду с лица.— Я ранен?

— Нет,— сказал полковник.— Тебя немного оглушило. Гранаты ведь разорвались почти рядом с тобой. Особенно левая.

— Левую неудобно было бросать,— проговорил, словно оправдываясь, боец.

— Я представляю,— сказал полковник.

* * *

Он лежал на узкой деревянной койке в гулкой казарме, окруженной темно-зелеными невысокими деревьями, на которых сверкали золотистые февральские плоды норанжа. Был вечер, и он отдыхал. Дорогу Кабул — Исламабад патрулировали бронетранспортеры: иногда слышался шум моторов.

Воспоминания о марш-броске и бое за мост Зурмат постепенно теряли остроту, и Фазил радовался этому. В конце концов, и те два боя — на Кунарском направлении и в Пактие,— в которых он участвовал, тоже ненадолго отвлекли его от обычных дел, обычных дум. В его сердце была лишь одна постоянная забота: земля, семья, крестьянская работа. Это вечно. Крестьянин на земле вечен, ибо вечна их связь — крестьянина и земли. А все то, чем он занят сейчас,— временно. «Но занялся бы я этим в других условиях? — думал часто Фазил.— Нет, не занялся. Ни за какие деньги не занялся бы. А вот теперь занимаюсь, теперь я солдат. Раньше,— говорил он себе,— я представить не мог, что стану солдатом. Что мне было необходимо защищать? Чужую землю? Землю, которая принадлежала феодалам?

Урожай, который никогда не принадлежал моему отцу или матери, ни тем более мне? Школу, которой не было и в помине? Долги, которые и без защиты оставались неуязвимыми?

Теперь другое дело. Теперь я защищаю свою новую жизнь, новую жизнь всех людей и жизнь своей семьи. Теперь у меня есть что защищать».

Для себя он уже давно привел в точное соответствие открывшиеся цели и необходимые для их достижения усилия и был неуязвим в своей крестьянской логике.

— Я солдат Революции,— сказал он как-то старому отцу.— И крестьянин Революции. И пока Революции угрожают душманы, я останусь военным крестьянином.

Отец качал головой, соглашался: все, что людям дала Апрельская революция, необходимо защищать. «В доме ведь растут внуки»,— повторял отец.

Вечером Фазила вызвали в штаб пехотной дивизии.

Он привел себя в порядок, не торопясь разгладил куртку, зашнуровал высокие черные ботинки и явился к командиру полка.

— Фазил,— сказал командир.— Тебя хочет видеть начальник политотдела дивизии. Срочно к нему!

Фазил кивнул.

— Я,— продолжал полковник,— распорядился, чтобы тебя отвезли в штаб на бронетранспортере, других машин сейчас нет.

— Поеду,— кивнул Фазил.

— Видимо, он хочет поблагодарить тебя за тот бой у Зурмата.

...В кабинете начальника политотдела было прохладно, пахло чаем, табаком и металлом. У окна лежали вычищенные до блеска автоматы. Кроме комиссара в кабинете было еще несколько человек. Они сидели за длинным столом и смотрели на молодого солдата.

Комиссар оказался мягким, чуть ли не застенчивым человеком, чем поразил Фазила, приготовившегося к четким, громким приказам и напряженной стойке «смирно», которая не очень-то ему давалась.

Начальник политотдела предложил Фазилу сесть на диван и сказал:

— Расскажи нам о своем бое за мост Зурмат.

Фазил положил ладони на колени, помолчал, вздохнул и изложил историю боя в одной фразе:

— Я преследовал душманов вначале один, а потом с другими солдатами и добыл двенадцать винтовок «303».

— И все? — спросил начальник политотдела.

— Да,— ответил Фазил.— Двенадцать винтовок.

Люди в комнате заулыбались, а комиссар сказал:

— Нам бы хотелось услышать подробности боя. Как ты добыл это оружие, как атаковал душманов или как ты их перехитрил. О твоем бое мы расскажем всем солдатам дивизии. Сообщим даже в Кабул.

Фазил смутился, затем стал рассказывать подробней. Он старался припомнить все детали и трижды повторил рассказ о первых минутах боя, когда он перебежал через мост и увидел первого душмана. Рассказывая, он почувствовал, что снова переживает те же ощущения, что и тогда, в минуты боя, его горячие секунды, когда он отстреливался, когда заметил тени или когда увидел наведенную на него винтовку, а также тех двоих, что упирались ногами в высокие голые корни деревьев... Когда он начал рассказывать, как зубами рванул кольца гранат, начальник политотдела встал из-за стола и, слушая, стал расхаживать по кабинету.

Фазил закончил рассказ, достал из карманчика грубой суконной куртки ослепительно белый платочек и вытер со лба пот.

— Молодец,— проговорил комиссар,— ты сражался смело.

— Так ведь душманы оказались слабыми,— сказал Фазил.

— А ты не думал, почему душманы оказываются слабыми в бою? — спросил кто-то из сидевших за вторым столом.

— Мы часто видим, как они бегут,— ответил Фазил.— Они смелые до нашего первого удара. Или когда у них сильное численное преимущество — когда их десять, а наш один, а вокруг никого... Еще можно увидеть смелых душманов, когда они действуют по ночам против крестьян в деревне. Бьют и режут даже детей. А в бою очень смелых душманов я не видел,— закончил Фазил.

— Да,— вмешался комиссар дивизии,— смелости бандитам и наемникам хватает ненадолго.

— Им не за что сражаться,— проговорил вдруг Фазил, поднимаясь во весь рост.— Не за что! А я могу и буду сражаться за Революцию день и ночь.

Комиссар взволнованно посмотрел на молодого, подтянутого солдата, спросил:

— У тебя есть семья?

— Конечно,— ответил Фазил.— Мы живем в Поли-

хумри. Мой отец совсем недавно умер, а мама жива... У нас с Сайрой двое детей.

— Только двое? — переспросил комиссар.— А сколько тебе лет?

— Двадцать третий год,— ответил Фазил.

— Да, детей мало,— повторил комиссар.

Фазил пробормотал, что, возможно, и мало, но, возможно, что будет много, как и у всех в Полихумри.

— Сыновья? — спросил комиссар.

— Один сын и одна дочь,— ответил Фазил.— Дочь Шикиба, а сын Революция.

— Что сын — Революция? — не понял комиссар.

— Я назвал его Революция,— ответил Фазил.— Это его имя.

Комиссар подошел к окну и тихо проговорил:

— Купи детям побольше сладостей и отвези в Полихумри. Мы даем тебе три дня отпуска. Помоги жене и матери по хозяйству...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

После выступления Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Владивостоке, когда было объявлено о решении Советского правительства вернуть из Афганистана на Родину шесть полков, в Кабуле был создан штаб по подготовке и проведению этой важной акции. Штаб возглавил член Политбюро ЦК НДПА Нур.

Первое заседание проходило под председательством Генерального секретаря ЦК НДПА Наджиба.

Третий раз в Кабул я прилетел за 10 дней до начала вывода полков. Подготовительные работы были в самом разгаре.

Помимо идеологических мероприятий — обращения Наджиба к афганскому народу, передач по телевидению и публикаций в газетах, в штабе, в сущности, сразу же приступили к действиям, так сказать, практического характера. В приграничные с Пакистаном и Ираном уезды — а их примерно пятьдесят — из Кабула выехали двести работников ЦК НДПА, министерства внутренних дел и министерства обороны. В течение недели они изучали ситуацию на местах, но это был лишь первый этап — вскоре они вернулись в Кабул. Предложения местных, недавно избранных органов власти были внимательно изучены. Через несколько дней с готовыми решениями те же двести работников вновь выехали на места — теперь уже на более длительные сроки.

В министерстве иностранных дел республики не сомневались, что миролюбивая акция СССР и ДРА привлечет большое внимание средств массовой информации многих стран мира. Был организован еще один штаб. В его задачу входило создание нормальных условий для работы иностранных журналистов. И хотя такой опыт в общем-то был, задача оставалась крайне трудной — необъявленная война не прекращалась ни на минуту. Необъявленная война — это неожиданные ракетные обстрелы городов, включая Кабул. Это комендантский час, ограничивающий передвижение по городу. Это неустойчивая телефонная связь. Речь шла о связи с крупнейшими столицами и городами мира: Москвой, Дели, Нью-Йорком, Парижем, Хельсинки, Лондоном и другими. Это, наконец, выбор места проживания журналистов, меры предосторожности, охрана, разработка наиболее безопасных маршрутов и объектов посещения. Штаб возглавил секретарь ЦК НДПА Масуд. Я встречался с ним в разное время суток — он никогда не покидал нашей гостиницы, где штаб и располагался.

Гостиница охранялась очень надежно. За широкой площадкой между конференц-залом и главным входом, прямо напротив флагштоков, на которых развевались флаги более чем двадцати государств мира, день и ночь дежурили танки и бронетранспортеры.

Подготовка к возвращению на Родину почти восьми тысяч солдат и офицеров, а также свыше полутора тысяч единиц боевой техники требовала большой работы и от советского командования. Гарнизонные городки располагаются, как правило, не только в местах труднодоступных, но и трудных для жизни. Например, в Шинданде, откуда должен был отправиться первый полк — танковый, даже в октябре стояла почти 30-градусная жара, а пыльные бури буквально закрывали небо и солнце. И в этих условиях военные должны были приготовить подходящие условия для работы и отдыха почти ста журналистов. Командование взяло на себя и другую — основную — задачу: переброску журналистского корпуса из одной точки страны в другую. Было выделено пять транспортных самолетов.

Эти и другие усилия прилагались только для одного: для демонстрации миролюбивых намерений Советского Союза и ДРА, для показа подлинного положения дел и разоблачения лжи вокруг Афганистана, вокруг самого факта пребывания в этой стране советских солдат. Наконец, для того, чтобы дать еще один шанс врагам нового Афганистана, заставить их понять: возврата к старому нет. История

движется только вперед. Воевать с историей — дело бессмысленное.

Атмосфера в Кабуле, в других городах и кишлаках страны была необычной. Только в течение нескольких дней три афганские семьи назвали своих первенцев русскими именами. Среди лозунгов, выполненных профессиональными художниками, встречались совсем простые подписи — «Ваня, спасибо», «Мы не забудем вас».

Я ездил по советским и афганским воинским частям. В зенитном полку, дислоцировавшемся в крепости Бала-Хисар, познакомился с майором Игорем Прибытковым. В роду этого офицера семь поколений мужчин — кадровые военные. Младший сын Прибыткова — шестилетний Сережа, судя по письменным донесениям из Союза жены, также склоняется к военному делу: телепередачу «Служу Советскому Союзу» смотрит в отцовской военной фуражке. Так вот, майор сказал: «Переживания офицеру не к лицу. Но я этих дней не забуду. Убежден, их не забудут ни солдаты нашего полка, ни афганские друзья».

А за сутки до возвращения полка на Родину Прибытков, как и положено политработнику (он заместитель командира полка по политчасти), выразился еще более определенно:

— В нашем полку — представители двадцати восьми национальностей. Это если знать анкеты. А если забыть и не знать, то одна — советские. Конечно, ребята рады возвращению домой. Но это сложная радость. Когда мы тронемся в путь, она, я думаю, станет еще неоднозначней. Здесь будет многое: и сознание выполненного долга, и грусть расставания, чувство обретенной силы и ответственности.

Не менее точно и емко говорил об этом и первый Герой ДРА Шерзамин Шерзой:

— Ваша и моя страны приняли очень важное решение — вернуть на Родину шесть советских полков. Но важно, думаю, другое — то, что сделало это решение вообще возможным. А именно крепнущая социальная база революции. Крепнущая народная власть. Мощь вооруженных сил республики. Это — главное.

Помолчал Шерзамин и очень просто добавил:

— Мне будет не хватать многих из моих советских друзей. Мы всегда были вместе — и на учениях, и в бою. Теперь наше братство по оружию будет подвержено испытанию уже не на огонь, а на разлуку... Может быть, это еще труднее, я пока не знаю...

Были у этих незабываемых дней и другие оттенки. Были. В канун возвращения полков контрреволюционеры устраивали шумные провокации, вели ракетный обстрел Кабула, и репортажи, которые диктовал по телефону в Москву, писались по ночам под частый гром разрывов.

Работники службы государственной безопасности показывали мне листовки, в которых душманы клялись черной клятвой «не выпустить живым ни одного солдата». В разных местах страны минировались дороги, в Кабуле распространялись слухи о том, что советско-афганская акция — не знак миролюбия, а свидетельство неудачи в решении афганской проблемы военным путем, и так далее.

Блефовали на разных уровнях.

Но были и события по-настоящему драматические.

В один из этих дней большая группа душманов устроила засаду на колонну «наливников». Машины с горючим находились в нескольких десятках километров от Кабула, в районе перевала Саланг. Совершенной случайностью следует считать то, что именно в это время, на этом же участке дороги, в долине Чарикар, оказался отряд под командованием Руслана Аушева. Но вот то, что он, Герой Советского Союза, и его двадцатилетние бойцы тут же вступили в бой с «духами», случайностью не назовешь. К тому моменту, когда отряд Аушева вступил в прямое сражение с «духами», те уже успели поджечь несколько машин. Густой черный дым расползался по ущелью. Плотность пулеметного огня была невероятной: «духи», похоже, стянули к дороге всю свою огневую мощь. К тому же, как выяснилось позже, среди врагов находились французские кинооператоры — шли, так сказать, по стопам своих заокеанских коллег. Не исключено, что и само нападение на афганскую колонну в знаменательные дни вывода советских полков было, собственно, ради съемки и спланировано.

Бой завязался жестокий. В этом бою Руслан Аушев был тяжело ранен.

Истекая кровью, Руслан продолжал руководить боем, успел увидеть, как его бойцы выполнили последний приказ: с помощью танка сбросили горящие машины в пропасть, освободив стратегическую дорогу для боевой техники. После этого майор был уложен в бэтээр и с большими предосторожностями доставлен в госпиталь. К этому моменту потеря крови достигла уже более двух литров...

Его спасали лучшие военные врачи.

Вот он — «праздник со слезами на глазах».

А жизнь шла своим чередом. И то, что было намечено, к чему готовились, состоялось в точно обозначенное время...

В 6 часов утра с интервалами в десять минут несколько транспортных самолетов поднялись в воздух с кабульского аэропорта и взяли курс на запад Афганистана. Через сутки картина повторилась. Теперь самолеты летели на север. В обоих случаях летчики выполняли одну и ту же задачу: доставляли журналистов к местам дислокации советских полков.

В день прилета в Шинданд на долину обрушился коричневый пыльный ураган.

Построенные для торжественного митинга солдатские шеренги не дрогнули. Мощные танки и вспомогательные машины едва просматривались в облаках пыли. Но праздник чувствовался во всем: в лозунгах на остроугольных палатках, во флагах, в волнении людей на дощатой, построенной по случаю торжеств трибуне.

Советских солдат и офицеров приветствовал Генеральный секретарь ЦК НДПА Наджиб. Здесь же, в полевых условиях, афганский руководитель и советский посол вручили многим из них награды ДРА и СССР.

Лишь один-два западных телеоператора снимали эти неповторимые моменты. Больше снимали другие: например, сбрасывание с самолетов «ловушек» для ракет класса «земля — воздух». «Ловушки» должны были стать самым тревожным украшением репортажей сразу трех крупнейших телекомпаний США — Эн-би-си, Си-би-эс и Си-эн-эн.

Танковый полк, уходящий из Шинданда на Родину, имеет славную историю. Первое боевое крещение солдаты и командиры полка приняли зимой 1942/43 года под Сталинградом. В январе 1943 года полк вступил в бой за город Зимовники. Советским солдатам противостояли отборные части противника: полки «Германия», «Вестландия», дивизии СС «Викинг» и другие. В результате упорных боев, в которых полк участвовал вместе с другими частями, Зимовниковский узел сопротивления гитлеровцев был полностью ликвидирован. Приказом Государственного Комитета Обороны полк был переименован в гвардейский танковый.

От стен Сталинграда до Берлина и Праги — таков славный боевой путь полка в Великой Отечественной войне.

Об этом рассказал его командир гвардии подполковник Ю. Пузырев. Историю своего полка он знал наизусть. Знали ее и молодые офицеры. Знали и безусые солдаты.

Знали! Ибо история эта продолжалась. И продолжали ее они — внуки тех, кто начинал.

Полк вступил на территорию Афганистана в 6 часов утра 28 декабря 1979 года. С этого момента он выполнял высокую интернациональную миссию. Воины-танкисты оказывали большую помощь подразделениям афганской армии в борьбе с бандитскими формированиями, засылаемыми из-за рубежа. Гвардейский танковый полк прикрывал западную границу Афганистана — от того места, где проходил митинг и где все эти семь лет дислоцировался полк, до Ирана — 50 минут езды.

Служба была трудной. Место беспокойное. Обстановка складывалась сложнейшая. Однако в день возращения на Родину больше говорили о другом. О победах. О дружбе. И о наградах.

С 1980 по 1986 год многие воины полка за выполнение патриотического и интернационального долга были отмечены орденами и медалями Родины.

Рядовой С. Гулов закрыл офицера от душманской пули собственной грудью... Младший сержант Г. Алимусаев 11 мая 1982 года в бою с бандитскими формированиями мятежников под огнем обезвредил более 30 мин, эвакуировал с поля боя раненого сослуживца, будучи сам ранен.

За мужество и отвагу гвардии младший сержант Г. Алимусаев награжден орденом Красной Звезды.

Таких примеров можно привести немало.

...Они стояли в строю и ждали команду.

На этот раз привычную команду «К машинам! Заводи!» должны были услышать не только они. Ее должен был услышать весь мир. Десятки микрофонов радио- и телевизионных компаний приготовились запечатлеть первые метры дороги, по которой начнется движение танков, другой советской боевой техники на север — к советской границе.

Воинским подразделениям предстояло пройти неодинаковые отрезки пути. Одним короче, другим — подлинней: дислокация разная. Однако дороги, по которым им предстояло пройти, измерялись не только километрами и временем. Они измерялись глубиной собственной истории, историей страны, историей добрососедства. Афганские дороги — это и передовая, это передний край необъявленной войны. Войны без фронта и флангов, войны без тыла...

«По машинам! Заводи!» — прозвучала наконец команда. И все пришло в движение. Загремели могучие двигатели танков, машин. Через несколько минут мимо трибун пошла тяжелая боевая техника. Это и были первые метры дороги домой... И благодаря телевидению сотни миллионов людей в мире — в разных его концах — увидели эти метры, эти

цветы, летящие под гусеницы, этих загоревших, славных ребят в пропыленной форме и эту выжженную, каменную пустыню и голые склоны гор... Двадцатилетние солдаты из горьковских, смоленских, николаевских, киевских, узбекских и других советских земель прощались с седобородыми афганскими стариками из Герата, Кундуза и Кабула...

Да, путь домой всегда короче. Но их путь вмещал многое.

...Их путь лежал мимо каменных козырьков, под которыми еще недавно были оборудованы душманские пулеметные гнезда. Мимо вражеских долговременных огневых точек, время которых оказалось не таким уж и долгим. Мимо каменных ущелий, в которых сидели прикованные цепями к оружию смертники. Они шли по местам недавних боев, в которых рождалось и вызревало советско-афганское братство по оружию... Они уходили, а те, кто оставался, должны были продолжать крепить это братство. Потому что не под всеми каменными козырьками ущелий умолкли душманские пулеметы...

Возвращаясь на Родину, наши солдаты и офицеры не раз вспоминали названия: Панджшир, Хост, Кандагар, Герат, Пагман. Здесь велись тяжелые бои. И во всех боях с крупными бандитскими подразделениями воинов Афганской народной армии поддерживали советские вертолетчики, артиллеристы, саперы, воздушные десантники. Они вспоминали об этих знаменитых событиях, но не забывали и о других — незаметных, незнаменитых...

Военный регулировщик отдельного дорожно-комендантского батальона, входящего в ограниченный контингент советских войск, рядовой Медведев нес службу по дороге, связывающей центр Афганистана с нашей страной. «Духи» появились внезапно. Их намерения были ясны: заминировать участок трассы, перерезать жизненно важную артерию. Солдат не растерялся, не дрогнул — вступил в неравный бой. Он держался до последнего, стрелял, истекая кровью, бил по врагу до прихода подкрепления. Ценою собственной жизни советский воин спас жизнь афганских водителей, появившихся в районе боя уже через 20 минут. Машины афганцев были загружены хлебом и топливом. В дни возвращения шести советских полков на Родину имя кавалера ордена Красного Знамени рядового Медведева, написанное крупными буквами на башнях боевых машин военных регулировщиков, не раз проходило перед глазами бойцов-интернационалистов...

...На командный пункт афганских вертолетчиков поступило сообщение: в труднодоступном районе, высоко в горах, душманы тяжело ранили советского офицера. Перед командирами двух вертолетных экипажей — капитаном Абдулом Тахиром и капитаном Абдулом Васи́ — была поставлена задача: эвакуировать раненого, доставить в госпиталь.

Обстановка была сложной: боевые действия не прекращались, погода ухудшалась, посадка в таких условиях — всегда трудное дело. Но вертолетчики не колебались, подняли машины в воздух. Советский офицер был спасен. На летных куртках афганцев засияла советская награда. Оба капитана ВВС ДРА, досрочно произведенные в майоры, были награждены орденом Дружбы народов.

Когда я услышал об этой истории, имена вертолетчиков показались знакомыми. Вспомнил: именно они, Тахир и Васи, участвовали еще в одной подобной операции — операции по спасению советских воинов. Оба афганских вертолета возвращались с задания. В районе селения Чорсияб (Четыре мельницы), близ Кабула, пилоты заметили на земле горящий советский транспортный вертолет. Рядом с вертолетом белели парашютные купола, и летчики, заняв круговую оборону, отстреливались от наступающих со всех сторон «духов». Афганцы не стали терять времени: их винтокрылые машины камнем пошли вниз. Один прикрывал, другой садился. При первом приземлении — время 10 секунд! — на борт был взят лишь один член советского экипажа. При втором — второй. Вскоре поняли: это единственный выход — приземляться лишь на мгновение и забирать по одному человеку: душманы вели теперь огонь по вертолетам. Шесть раз, рискуя жизнью, афганские пилоты приземлялись в кольце огня. Все шестеро членов советского экипажа были спасены.

Если война ведется за свободу, за революционные идеалы, мирный орден Дружбы народов тоже может стать боевым.

...Афганский десятилетний мальчишка попал на душманское минное поле. «Стой!»— закричал советский солдат, заметивший мальчишку. «Стой! — повторил солдат.— Не двигайся!» Мальчишка ничего не понял, но замер. Солдат побежал к командиру. Через пару минут подогнали подъемный кран — на счастье, рядом ремонтировали подорванный «духами» бетонный мост. К крюку стрелы привязали солдатский ремень, сделали петлю, вытянули стрелу до упора, опустили. Мальчишка оказался под самым

крюком. Показали, что надо делать — ухватиться за ремень, держаться покрепче, не разжимать рук. Парень оказался смелым и сообразительным — проделал все, как надо. Стрела поднялась выше, еще выше — мальчик раскачивался на тонких руках, ремень вполне держал худое, легкое тело. Через минуту все закончилось — пленник минного поля ощутил под ногами безопасную, каменистую почву.

Негромкие, незнаменитые события...

...Они шли мимо кишлаков в районах Пули-Хумри, Чагани, ущелья Шакар-дара, население которых еще недавно подвергалось набегам наемных головорезов. Вместе с афганскими воинами наши солдаты защищали мирных жителей от террора «защитников ислама». Они уходили, а те, кто оставался, продолжали эту трудную, опасную работу, потому что не все банды головорезов разбиты до конца и не все сложили оружие.

Среди тех, кто провожал советских солдат, была афганская мать Зухро — дочь муллы Амира. Она потеряла троих сыновей и двух братьев, а всего в их роду за годы кровавой необъявленной войны убили уже 100 человек. Она, афганская мать, благодарила советских сыновей — благодарила за жизнь тех, кого они успели спасти...

...Они шли мимо оросительных каналов и ирригационных систем, ведущих к рисовым и хлебным полям, в зеленых зонах близ Чарикара, Джабаль-ус-Сираджа, Даши. Каналы забивало пылью, камнями, илом. Но главное — их взрывали душманы. Крестьяне обращались за помощью к советским воинам. И наши солдаты брались за рычаги своей военной техники и чистили каналы. Сотни километров, не считаясь с опасностью — «духи» беспрестанно обстреливали эти участки,— позабыв об усталости. Все это часто делалось после боев. Они уходили, а те, кто еще оставался, продолжали выполнять эти военные сельхозработы.

...Они шли мимо пастбищ, на которых снова паслись стада. Враги революции минировали не только школы и мечети, не только дороги и хлебные поля. Минировали и пастбища. Минировали все. Советские саперы возвращали к нормальной жизни здания, дороги, поля и пастбища. Некоторые из саперов теперь уходили, а те, кто оставался, продолжали это дело, ибо продолжалась минная война.

...Они шли мимо тех мест, где уже побывали когда-то в составе воинских агитотрядов. Солдаты делили с афганскими детьми свои продовольственные пайки, показывали

в кишлаках фильмы, оставляли детям карандаши, бумагу, витамины. Военные медики устраивали профилактические осмотры, помогали больным. Сотни, тысячи выездов... Они уходили, а те, кто оставался, по-прежнему будут колесить по полям, опасным дорогам, и их появления будут с нетерпением ждать в далеких кишлаках.

...Они шли через маленькие и большие города, через кишлаки и провинциальные уезды и миновали то, чего здесь не было никогда. Они шли мимо детских площадок для сирот, сделанных их, солдатскими руками. Первая такая площадка была оборудована в Кабуле военными инженерами старшими лейтенантами братьями Сергеевыми. Братья устроили ее для детей сиротского дома «Ватан» («Родина»). Теперь такие площадки не редкость в разных местах страны. Советские солдаты стали как бы коллективным шефом сирот необъявленной войны. Это шефство продолжается. Его продолжают те, кто еще остался в Афганистане...

...Они шли мимо разрушенных «духами» мечетей — купола многих из них скрывали строительные леса. Далекие друг от друга ремесла — военное и реставрационное. Солдаты их сблизили. Они, советские солдаты, пришли на помощь афганским реставраторам. Они, засучив рукава десантных курток, брались за восстановление исторических мусульманских святынь...

* * *

Я стоял в одной из аппаратных кабульского телецентра. Была поздняя ночь. Телецентр охранялся бронетранспортерами. Журналисты крупнейших телекомпаний мира передавали дневные репортажи. Доносились голоса операторов:

— Париж, входим в график.

— Хельсинки, все в порядке!

— Нью-Йорк, время канала урезается на пять минут, космический спутник занят...

Телесигналы из Кабула шли по спутниковой связи на Советский Союз, оттуда — на Соединенные Штаты и Японию. Страны Западной Европы получали «картинку» из Кабула через Прагу.

Я стоял и смотрел на контрольные экраны. Изображение советских войск, уходящих из Шинданда, Кундуза и древней, времен Македонского, крепости Бала-Хисар, передавалось на приемные устройства телекомпании Эн-би-

си. Я стоял рядом с пропыленными, вымотанными работой американскими телевизионщиками и смотрел, как афганские специалисты, работая на японской аппаратуре, перегоняли изображение, снятое американцами, на советский искусственный спутник Земли. А другие афганские техники, получившие образование в Москве, Лондоне, Токио или Нью-Йорке, помогали им в этой сложной работе. Я думал о том, что даже ни о чем не размышляющая техника, а не только человеческий мозг, заставляла людей сотрудничать, создавала ситуации, при которых друг без друга нельзя, при которых необходимо преодолевать вражду, подозрительность, разъединение и непонимание!

...А на соседних мониторах шла запись выступления Генерального секретаря ЦК НДПА Наджиба, и слышались его взволнованные слова.

— Все поколения афганского народа,— говорил он,— каждая семья, авторитетные старейшины шлют советскому руководству, героическому рабочему классу, крестьянству и интеллигенции Советского Союза, его доблестным Вооруженным Силам идущие от всего сердца слова благодарности, искренней признательности за все то, что сделано вашими достойными, мужественными воинами, советскими людьми на нашей афганской земле...

...А на смену 1986 году шел новый — 1987-й. Приближался год новых решений и инициатив, год новаторских подходов, требующих от революционного правительства страны подлинного политического мужества и мудрости. Приближалось время переломного этапа в истории нового Афганистана.

Время надежд на мир и действий во имя этого мира и национального согласия.

СОДЕРЖАНИЕ

Бочаров Г. Н.

Б86 Был и видел... (Афганистан, 1986 год).— М.: Политиздат, 1987.— 62 с., ил.

Чтобы мир узнал правду об Афганской революции, большой группе журналистов из различных стран предоставили в 1986 году возможность совершить поездки по Афганистану. Участник поездок советский публицист Геннадий Бочаров ведет полный живых впечатлений рассказ о том, как крепнет в боях с контрреволюцией Афганская народная армия, о подвиге советского солдата-интернационалиста, протянувшего руку помощи дружественной соседней стране в час суровых испытаний.

Книга рассчитана на массового читателя.

Б $\frac{0505030300-163}{079(02)-87}$ **ББК 66.4(2)+66.3(5Аф)**

Геннадий Николаевич Бочаров
БЫЛ И ВИДЕЛ...
(Афганистан, 1986 год)

Заведующий редакцией *В. Я. Грибенко*
Редактор *А. Г. Давыдов*
Младшие редакторы *Н. М. Жилина, Л. В. Масленникова*
Художник *В. Н. Суханов*
Фото *И. Ф. Курашева, Л. Е. Якутина*
Художественный редактор *П. В. Меркулов*
Технический редактор *Е. Ю. Тихомирова*

ИБ № 7430

Сдано в набор 17.12.86. Подписано в печать 02.02.87. А00018. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,78. Усл. кр.-отт. 4,83. Уч.-изд. л. 3,94. Тираж 75 тыс. экз. Заказ 2467. Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

20 коп.

Политиздат